

СТАТУС: В БЕГАХ И ВЛЮБЛЕНА

Мира Даль

18+

Мира Даль

Статус: в бегах и влюблена

«Автор»

2026

Даль М.

Статус: в бегах и влюблена / М. Даль — «Автор», 2026

Алиса случайно влипла в рейдерский захват и теперь спасается бегством вместе с японским аспирантом по обмену и лучшим другом-хакером. И хотя она обещала себе никогда не влюбляться, с каждым днем держаться все труднее, особенно когда рядом постоянно двое классных парней. Но как, скажите на милость, выбирать между воздухом и водой? Литературная драма в российском сеттинге. Slow burn, New Adult, Action romance.

© Даль М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	34
Глава 15	37
Глава 16	40
Глава 17	43
Глава 18	45
Глава 19	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мира Даль

Статус: в бегах и влюблена

Глава 1

Судьба выглядела как долговязый японец с книгой в руках и коварно притворялась случайностью. Такие случайности она выращивает из пустоты и подбрасывает под ноги как булыжники. Чтобы ты наверняка споткнулась, разбила нос, а за ним и сердце.

Он подпирал стену факультета искусств и читал — длинный и узкий, с всклокоченными черными волосами, издали напоминая причудливую вешалку. На него никто не обращал внимания, если не считать меня. Но я не в счет, я люблю все необычное. Все, что мерцает таинственным светом, невидимым никому другому. «Да это Накамура. Фрик или гик, мы так и не поняли», — бросила на его счет Наташа и переключилась на достоинства вчерашнего парня. Точнее сказать — на достоинство.

Выбирать и оценивать, думаю я. Любимые занятия людей. Это внушает надежду, что мы что-то значим, а не просто прожигаем кислород. Почему бы парню не оказаться фриком и гиком одновременно, или вообще никем из двоих? Но нет, нам надо пригвоздить бабочку вероятностей к плоской доске наших мнений.

И вот мы в замедленной съемке проплыва-а-ем мимо Накамуры. Он какого-то черта отрывает глаза от книги, взгляд еще затуманен последней строкой, потому что сам он именно там, где остановилось чтение. Может, летит во всю мощь своего коня, доспехи слепят врагов, меч верен руке самурая... И вдруг в его глазах отражаюсь я — круглолицая и веснушчатая, прямиком с полотен русских передвижников. Такая, знаете, вилы в руки — и на скирду. В общем, ничего кавайного.

Из-за погружения в историю его лицо утратило привычную жесткость, обнажив тонкие благородные черты. Но с каждым миллиметром кадра, в котором мы застряли, непроницаемая маска возвращается, скрывая мимолетную уязвимость.

Ёк. Вздогнули наши сердца.

Спорынья отравляет пшеницу, и пшеница уже не та — она приносит галлюцинации, гнев, похоть и сокращения матки. Каким-то неясным образом мы отравили друг друга, и теперь все, на что мы посмотрим, приобретет невидимый налет.

Накамура наконец сфокусировался и беззастенчиво пялится — собственно, как и я. Наташка с деликатностью бульдозера толкает меня под ребра. Я спотыкаюсь и едва не падаю — оказывается, мы уже вышли на лестничный пролет. Накамура исчезает, но я продолжаю видеть его так же ясно, словно сделала скриншот.

Что это было? И кто это был?

Вопросы требовали немедленного утоления жажды, но все, что мне удалось узнать в этот день, вошло бы на ладонь крупным почерком. Читает лекции по японской живописи, живет в кампусе с гитаристом и выпивохой Семой, обществу живых людей предпочитает книги. Остальное — сплошные белые пятна: куда-то уходит по вечерам и иногда с кем-то говорит на родном языке по телефону. Небритый и не очень опрятный будущий артист Сема, который был «случайно» встречен в студенческой кофейне, где он зависает по целым дням, не сразу понял, о ком речь, а поняв, махнул рукой со словами: «А хрен его знает, он мне не мешает! О, стихи пошли!». Схватился за гитару, забренчал «Накамура, Накамура, что же я такая дура». Потом заржал, бросил гитару и попытался схватить меня, за что немедленно получил пинок в колено.

И все же прошла целая вечность, пока Накамура не сплеховал, позволив своему душевному сейфу приоткрыться всего на один микрон. К тому моменту мне уже стало казаться, что проще голыми руками отжать от горла обнаженный меч.

Глава 2

Я не из тех, кто от любви готов питаться одним шпинатом или истязать себя отсутствием сна. Да и с самого начала дело было не в любви, а в природном любопытстве, которое не дает мне жить как все. Я тот человек, который расспросит дворника о тонкостях вязки метлы и вотрется в доверие к трамвайному контролеру, лишь бы узнать что-нибудь интересное.

Моя любимая игра — вживаться в шкуры случайных попутчиков, чтобы почувствовать их заботы и страсти. В детстве я часами слонялась возле домов, заглядывая в окна без штор, чтобы прикоснуться к чужой жизни. Правда, моими «трофеями» были в основном восковые старухи да полураздетые мужики, в желтом свете лампочек похожие на ощипанных кур. Если бы за каждый упрек, что хорошим девочкам неприлично пялиться на людей, мне давали по сотке, набралось бы на скутер.

За долгие годы я так натренировалась, что большинство встречных людей читаю как открытые книги. А вот когда дело доходит до самой себя, теряюсь. Я не очень хорошо разбираюсь в себе, потому что там просто нечего читать.

Накамура же оказался драгоценной шкатулкой с секретом, ключ от которой в яйце, а яйцо... — у кого где, в общем. Таинственный, непонятный обывателям, со свернутой в пружину внутренней силой, этот парень не мог быть просто кабинетным искусствоведам. Любопытство взорвало бы меня изнутри к чертям, как Чужой, если бы я не начала охоту немедленно.

Вернувшись из универа и выполнив обязательства по поеданию оладий, которые бабушка готовила с особым цинизмом — с яблоками и корицей, — я забралась на подоконник. Ветер трепал кроны деревьев, свежая зелень двора успокаивала, и мозг заработал в полную силу. Прикрыв глаза, я не мешала течению мыслей, и они сами собой сложились в стройную паутину, в центре которой завис Накамура. Требовалось с чего-то начать, так пусть это будет Трэш.

Берлога моего лучшего друга и соратника по завиральным идеям находилась недалеко от универа, поэтому пришлось снова лезть в метро. Людская река затянула меня в вагон, и я, втиснувшись на свободное место, вернулась мыслями к Накамуре. Вероятность того, что это любовь с первого взгляда, мизерна и не заслуживает внимания. Вероятность, что чувство взаимно, лежит в отрицательной плоскости. Однако жалкие крохи сомнений не давали покоя, словно песок за шиворотом.

Я огляделась по сторонам в поиске каких-нибудь аргументов. Напротив парочка подростков, лет шестнадцати, не больше. Сверкают глазами, будто подключены к невидимому источнику тока, и дерутся как щенки — кусаются, щиплют друг друга, хватают за носы. Девчонка — просто огонь: пышные рыжие волосы по пояс, оранжевое платье и красные ногти. Она то и дело укладывает голову на плечо своему невзрачному мальчику и крепко к нему прижимается. Тот утыкается в нее носом, что-то шепчет, и через пять секунд они снова дерутся.

Чуть дальше — пара постарше, поэлегантнее. Она не сводит с него глаз, смахивает с пиджака несуществующие пылинки, поправляет ему галстук, с игривой улыбкой что-то говорит на ухо — словом, каждую минуту чекает его наличие в своей жизни. Он реагирует с сердечностью манекена: не глядя принимает от нее бутылку с водой, отпивает и механически отдает обратно. Отрывается от телефона, когда в вагон заходят стройные ноги на шпильках, и тут же высвобождает руку из пальцев спутницы. Ее взгляд умирает.

Первые разбегутся месяца через два. Вторые промучаются еще несколько лет. Хочу ли я оказаться в числе этих «счастливых»? Только в ночном кошмаре.

За неимением других интересных объектов я достала наушники и включила Linkin Park: вот уж где точно нет единорогов, какающих клубникой. Почему всем так нравится морочиться любовью? Человечеству давно пора изобрести капли от «розовых любовных соплей». Курс

семь дней — и свободен. Но фармацевты вряд ли на этом наживутся. Голливуд так просто не сдастся. Хотела бы я посмотреть эту битву титанов — вот бы где экшн вышел.

Я начала прикидывать расстановку конкурирующих сил, и тут подсознание подло выдало скриншот с лицом Накамуры. Черт, неужели я реально попала? Так. Спокойно. «Прочь из моей головы! Здесь и так кавардак...» Даже если это влюбленность, беспокоиться не о чем — пройдет само, как простуда. Так всегда бывает. Всего лишь химия мозга. Гормональный всплеск.

Должно же пройти?

Глава 3

Трэш ждал возле метро и пританцовывал на радость пенсионеркам, продающим с ящиков всякую дребедень. Даже стой он солдатиком, такой экземпляр невозможно было пропустить: светлые кудри в продуманном беспорядке, синие глаза и улыбка, способная обезоружить кого угодно. Загорелая бицуха выпирает из коротких рукавов белой футболки с принтом техногенного лотоса. Я в тысячный раз мысленно прочитала мантру «мы только друзья» и двинулась к нему.

Макс Трушнин не был типичным айтишником и не сливал свою жизнь в унитаз сети. Он родился с талантом хакера, но взламывал не только чужие секреты — он взламывал трудности, которые постоянно для себя искал. Поэтому часто уматывал со своей экстремальной компашкой в очередную задницу мира. Макс учился на два курса старше меня, уже выпустился и, чтобы не заскучать в паузах между путешествиями, тренировал детишек в воркаут-клубе.

С тех пор, как на третьем курсе я сопровождала Наташку на дурацкое двойное свидание, куда ее тогдашний парень притащил Трэша, мы с ним не разлей вода. Иногда его долгий взгляд говорит о большем, но я делаю вид, что не замечаю. Парней полно, а такой офигенный друг — один, и я не собираюсь его терять из-за мимолетной блажи, способной превратить нашу дружбу в слезливые разборки.

— Что, опять детишек мучил? — бросила я вместо приветствия.

— Каэшна! Хлебом не корми, дай кого-нибудь замучить. Тебя, например, — он стиснул меня в порывистом объятии, на пару секунд оторвал от земли и тут же опустил. Я легонько ткнула его в железный пресс, хмыкнув: «Совсем одичал», и мы направились вглубь ближайшего квартала.

Дом моего друга напоминал скорее архив холостяка на выданье, чем жилище опасного хакера. Полки ломились от экзотических сувениров, добытых в путешествиях, а стены — от фотографий: Трэш падает с быка на родео, в костюме попугая льнет к арбузной попе бразильянки, вопя во всю пасть летит с тарзанки, а здесь — о гордость, гордость! — танцует фламенко с мужчиной. Лучшей конспирацией для хакера служила розовая плюшевая рамка вокруг монитора, увенчанная головой поросенка.

— Систер подарила на День программиста, — объяснил он. — Символизирует мое свинское отношение к чужим тайнам.

Трэш налил две чашки из вечно горячего кофейника и уселся в рабочее кресло — весь внимание.

— Макс, ты слышал что-нибудь про Накамуру из нашего универа? — начала я.

— Про нового японского препода? Да то же, что и все. Прибыл из Осаки по обмену, читает лекции культурным задротам. Про него еще на сайте писали, не читала? А, ну да, новости альма-матер тебе до лампочки... Ладно... Счас...

Трэш поклацал мышкой — и монитор заполнило лицо Накамуры. Совсем не такое, как на моем внутреннем скриншоте. Судя по гримасе, парня только что оторвали от харакири. ек... макарек, блин.

— Считаю, норм. Типичный преподаватель, — усмехнулся Трэш. — Ёсинори Накамура, аспирант университета в Осаке, приглашен как носитель культуры, обожает литературу Серебряного века, отлично владеет языком, благодарит за предоставленную возможность, бла-бла-бла... один трэш, короче. Ёсинори — это есик по-нашему?

— По-нашему это «красота» и «столетие», — уточнила я. — Так вроде переводится...

Трэш оторвался от монитора и уставился на меня:

— Ну и на что тебе этот столетний красавец? Влюбилась, что ли? — Ничуть. Он Наташке нравится.

Врать я не умею — лицо тут же заливаешь краской, словно над горизонтом занимается заря. Вот и сейчас, переведя стрелки на Наташку, я зарделась, хотя ни в когошеньки не была влюблена. Трэш понял это по-своему, катнул желваками и протянул:

— И чито-таки нам о нем на-адо?

— Все, что найдешь. Особенно интересно, что он скачивает: книги, музыку, фильмы... порно... Вообще что угодно.

— Ну и что мне за это будет?

— Тортик?

— Неа.

— Ммм... гаджет какой-нибудь?

— С ума сошла. Нашла кому гаджет предлагать. — Трэш почесал затылок. — Ты-ы-ы читаешь курсовик моей сестер по матану, вот! Ну, просто глянь, сильно она там налажала или нет. Тебе же это раз плюнуть? — Он умоляюще сдвинул бровки домиком. — И мы почти в расчете!

— Почти?

— Ну-у, я бы добавил поцелуй! — Трэш выпятил губы, но я показала ему известный жест.

— Хамка. — Он сделал вид, что обиделся, отвернулся и закрыл вкладку с универом. На экране тут же замигало всплывающее окно и Трэш нахмурился. — Ох, Лис... Прости, срочняк нарисовался. Утром звякну, лады?

Его пальцы запорхали над клавиатурой. Ну, все, провалился в кроличью нору.

Я чмокнула его в макушку и ушла, захлопнув за собой дверь.

.

Глава 4

Подтаявшее шоколадное мороженое еще не успело окончательно залить мне джинсы, как Трэш выполз из сетевой нирваны и прислал курсовую сестры. Можешь, мол, приниматься за дело. Ха, это он так намекает, что задачка с Накамурой не стоит выеденного яйца. Какая самоуверенность.

Вечер стоял тихий и нежный, пахло нагретой землей и листвой, бензином, теплым асфальтом и немножко пылью. В груди заворочалось предчувствие чего-то чудесного. Такого, что, может быть, поджидает за ближайшим поворотом. И я не смогла устоять — решила пройти до Наташки. Всего-то пара кварталов, бешеной собаке сто верст не крюк, как говорит Ба. Едва успела отправить подруге кружочек в телеге, как батарея сдохла. Теперь без вариантов придется топать заряжаться к Авериным — у меня ж все электронное, от денег до проездного, без телефона никуда.

Час спустя я злобно топоталась у Наташкиного подъезда, пиная все, что попадало под ноги: скамейку, урну, поребрик, пенек у детской площадки и старую зомби-куклу без скальпа. Явись передо мной сейчас фея и скажи, что случайности не случайны, я бы пнула ее под коленную чашечку. Лучшая подруга была глуха к флюидам моего отчаяния и где-то шлялась, хотя ее лекции закончились три часа назад. По моим личным меркам все это тянуло на постапокалипсис для отдельно взятого индивидуума. Я практически Уилл Смит в фильме «Я — легенда», только собаки не хватает. А нет, вон бежит какая-то, даже две...

— Алиса, это ты? — окликнул меня низкий глубокий голос. Я обернулась и — уфффф.

— Здравствуйте, Кирилл Леонидович.

Высокий грузный мужчина закрыл «Лексус» и двинулся ко мне.

— Ты Наташу ждешь, а она что же? Опять парням головы морочит? — Он разулыбался и слегка приобнял меня. — Пойдем в дом, а то соседка с третьего этажа скоро полицию вызовет.

— Да, я ее тоже заметила. Дозорная бабуля. Сначала выглядывала из-за занавески, теперь даже не шифруется. Следующим шагом, полагаю, был бы бинокль.

Парадная обдала прохладой, мы вызвали лифт и поехали на пятый. От Кирилла Леонидовича пахло сандаловым деревом, дорогой кожей и сигариллами. Я тихонько тянула носом, ощущая, как моя злость на себя, Наташку и весь мир истончается и утекает.

В квартире я сразу взялась за дело. Когда есть кофемашина, я варю кофе лучше всех. Ну, или хотя бы лучше Наташки, а это уже достижение. Налив по большой кружке — кому нужны эти жеманные наперстки? — себе и Наташиному папе, я потащила благоухающее варено в кабинет. По комнатам скользили солнечные зайчики, отражаясь в хрустале и зеркалах, за окном верещала неизвестная птица. Только что половицы не скрипели — вместо них был паркет.

Острое ощущение детства сжало желудок и слегка защипало в носу. Я забралась с ногами в кожаное кресло и... просто забралась и все. Не было ни ожиданий, ни мыслей, только этот момент, податливый уют и горячая кружка. У Авериных я дома. С Наташкой мы дружим с тех пор, как она вступилась за меня в злополучной средней школе. Вскоре ее семья переехала в другой район, однако мы не только не потерялись, но даже поступили в один универ.

Кирилл Леонидович уже успел обложиться таблицами, схемами и целой горой писанины. Без пиджака и галстука он был похож на ученого, зарывшегося в свои исследования. Его могучая фигура в голубой рубашке с закатанными рукавами, открывающими крепкие волосатые руки, вызывала чувство надежности и покоя. В параллельной реальности вот так, наверное, мог бы сидеть в своем кабинете и мой отец. Но в этой я даже не знаю, как он выглядит. Вдохнув, я поставила телефон на зарядку и взяла с журнального столика новую книжку «Большая фармацевтическая ложь».

— Ну, как твоя учеба, Алиса? — Кирилл Леонидович оторвался от бумаг, чтобы выдать мне порцию отеческой заботы.

— Спасибо, все отлично. Пишу курсовую... эээ... методы квазирешения некорректно поставленных задач. Нагло рассчитываю пристроить ее в научный вестник. Правда, она поповская получилась, но для первого раза сойдет.

— Да ты просто Софья Ковалевская двадцать первого века! — Он одобритительно покачал головой и отпил кофе. — Уже думала, кем пойдешь работать?

Я выдала театральный вздох и пожала плечами. С детского сада ничего не изменилось — до сих пор спрашивают, кем я стану, когда вырасту. Спасибо, что не ставят на стульчик читать стихи. Хотя можно и прочесть, лишь бы не отвечать на этот вопрос.

— Ну и ничего, еще есть время определиться. Сейчас математика много где нужна — и в айти, и в маркетинге, даже в бухгалтерии можно продвигаться.

— О, нет, бухгалтерия точно не мое. Я же не Рапунцель, чтобы годами сидеть в башне из налоговых отчетов. Мне нравится если не общаться, то хотя бы наблюдать за людьми.

— Ну, тогда маркетинг самое то! Украсишь собой эту сферу, а то дельных специалистов очень мало, постоянно приходится за них часть работы выполнять. — Кирилл Леонидович кивнул на заваленный макулатурой стол. — Вот заказал агентству просчитать риски нового интернет-магазина, а получил двадцать страниц формул, заумных слов и ни одного толкового вывода.

Он раздраженно перелистнул несколько страниц отчета.

— Понятно, что клиенту надо пыль в глаза пустить, чтобы оправдать занебесный гонорар, но вот скажи, как я должен продираться сквозь эту вату? — Кирилл Леонидович выразительно постучал пальцем по бумагам. — Меня уже от одного названия главы тошнит: «Выявление неблагоприятных состояний управляемого объекта для достижения целевой функции». Вот на такую хрень убиваю вечер пятницы.

— Ужас-переужас, — согласилась я. И неожиданно для себя предложила: — А хотите, я к понедельнику все это на человеческий язык переведу? И умещу в одну табличку?

— Ого! Конечно, хочу! Давай, пробуй, Алиса, если хорошо сделаешь, заплачу, сколько скажешь. Не-ет, отказываться не надо, молодым девушкам необходимо тратить на себя деньги. Пока они не нашли, у кого еще можно пить кровь, кроме родителей.

Он отхлебнул кофе и поморщился.

— Совсем остыл. Будь добра, сделай еще чашечку. И добавь сгущенки пару ложек.

Я вскочила, внутренне визжа от восторга, и рванула на кухню. Первое настоящее дело — мне? И сразу для такой крупной компании? Черт, как же круто! Только бы не налажать, иначе сгорю со стыда, и не видать миру нового гения маркетинга.

Кирилл Леонидович кратко ввел меня в курс дела и скинул на почту несколько объемных файлов. Пока я проверяла, все ли открылось, оживший телефон выдал два сообщения: Наташкин кружочек из ресторана и бабулино «Я на даче». Планы на уикенд были кристально ясны.

Наскоро попрощавшись с Наташиным папой, я буквально вылетела из квартиры Авериных — ноги отказывались двигаться с обычной человеческой скоростью. Меня разрывало от нетерпения, словно перегретый паровой котел. Из-за комка в горле я едва могла дышать, но это был комок счастья — знак, что я поступаю правильно. Делаю то, что положено по судьбе.

Я не заметила, как оказалась в электричке, следующей в загородный поселок, где бабушка предавалась садоводству. Забросив рюкзак на полку, влезла с ногами на сиденье и вгрызлась в документы Кирилла Леонидовича. Едва не пропустив станцию, со скоростью эфиопского спринтера домчалась до дома, отвергла борщ, закинула в себя десяток пельменей и взмыла на второй этаж, отданный мне на растерзание.

Слова превращались в цифры, маршировали по колонкам и столбцам и угомонились только к середине ночи. Рассвет я встретила, уткнувшись лицом в блокнот с таблицей. Самым

сложным было не отправить ее немедленно, прямо в шесть утра, сопроводив звонком, полным щенячьей радости. Во-первых, не хотелось, чтобы Наташин папа понял, какой драйв я словила от задачи, нудной и скучной для светил консалтинга. Все-таки работа должна хотя бы казаться сложной. Не этим ли они руководствуются, составляя заумные отчеты? Во-вторых, какой-то своей частью — видимо, пятой точкой — я чувала, что табличка должна отлежаться.

Выходные я провела, сидя с книжкой на любимой яблоне — ее ствол удобно изгибался и с детства служил мне импровизированной беседкой. Временами Ба призывала помочь с рассадой, теплицами, прореживанием клубники и прочей плодово-ягодной дребеденью, и я была только рада отвлечься от напряженного ожидания. Пару раз всплывал образ Накамуры, но я отмахивалась от него как от досадного подтверждения, что я — всего лишь набор химических формул. О курсовой сестренки Трэша я благополучно забыла.

В итоге файл улетел Аверину ровно в девять утра понедельника. Весь день я изнывала от желания узнать вердикт: кое-как высидела пары, а потом отправилась гулять — одной в квартире торчать не хотелось. Весна же, Ба прочно окопалась на даче, бывая в городе набегами. Долгожданный звонок застал меня возле уличного ларька, где я ела блин с бужениной и хреном. Мой первый клиент коротко подтвердил, что я гений, и предложил встретиться завтра часиков в пять.

Глава 5

Во вторник после лекций я напросилась к научному руководителю обсудить тему диплома, втайне надеясь, что он сам за меня что-нибудь придумает. Возле кабинета уже околачивались Вупсень и Пупсень — два неразлучных одноклассника, которые спорили о дифференциальных уравнениях и создавали идеальный белый шум. Я уже почти придумала, как свалить на преподавателя максимум работы, когда смартфон завибрировал, и на экране появилась Наташка в рамочке из котят. Когда она вошла в мои настройки и выставила эту опцию, я без понятия. Но каждый раз жалею, что среди обоев не нашлось обезьяны с гранатой — идеальный аватар для девушки, регулярно устраивающей драмы на ровном месте.

— А-ли-и-са, — всхлипывала она, — я больше не могу-у.

— Ты где? — обреченно вздохнула я.

— В туалете-е.

— Уже бегу.

Оттеснив Вупсенью с Пупсеньем, я заглянула в кабинет, сумбурно извинилась перед научруком за все сразу и рванула на факультет искусствоведов. Лестница, нужный этаж, направо по коридору. Знакомая фигура с книжечкой подпирает стену. Сердце даже упасть не успело — я пронеслась мимо, красиво вписалась в поворот, свернула за угол и влетела в туалет. Наташка, размазывая по лицу черные разводы туши, бросилась ко мне. Два кошмара в одном флаконе: во-первых, ненавижу обниматься, даже с лучшей подругой; во-вторых, совершенно не умею утешать. Поэтому я легонько, в стиле Шелдона Купера, похлопала ее по спине.

— Ну-ну. Что он опять натворил?

Из всех парней на свете Наташа с завидным упорством выбирает тех, с кем у нее точно ничего не выйдет. Причем этих бедолаг обязательно нужно спасать: от депрессии, от какой-нибудь сложной зависимости или от внезапной тяги все бросить и сбежать в Гималаи. Каждый раз она с энтузиазмом берется их перевоспитывать — прямо как Мальвина Буратино. Но благодарные упорно сопротивляются, а потом испаряются в неизвестном направлении. Некоторое, обычно недолгое, время Наташка страдает, а потом философски выдыхает: «Это просто был не мой человек. Мой еще притянется. Надо только слушать свое сердце».

Боже, она даже говорит как диснеевская принцесса.

На сей раз Наташа спасала своего тренера по йоге и по совместительству полного кретина. Он пил ее кровь литрами, а она «исцеляла его глубокую личную травму». Интересно, ее когда-нибудь посетит мысль исцелить свою?

— Так что случилось-то?

— Вчера Валя провожал меня после тренировки. Сначала мы о ведах говорили, все было нормально. Потом я спросила, пойдет ли он со мной завтра в кино — в смысле, сегодня. Он согласился.

— Слил, гад? — я состроила возмущенную гримасу.

— Подожди. Я сейчас зашла на его страницу в ВК, а он песню Цоя выложил. Знаешь, какие там слова?

— Боюсь представить. У Цоя много всяких слов.

Она протянула телефон с текстом и полезла в сумку за салфеткой.

«Ты так любишь эти фильмы,

мне знакомы эти песни.

Ты так любишь кинотеатры,

мы вряд ли сможем быть вместе...»¹

¹ «Кино». «Фильмы»

Теперь все понятно. Вечером Наташа зовет в кино — утром читает, что они не могут быть вместе. И контрольный в голову: «Оставь меня в покое, не тронь мою душу».

— Было же все хорошо, Алиса. Я просто убита наповал.

Я глубоко вздохнула. Песня наверняка ничего не значила, но у Наташки были основания для таких интерпретаций. Время от времени йог декларирует, что он — личность свободолобивая и идет над бездной по лезвию ножа, как дурак из колоды Таро, не привязываясь в этой жизни ни к чему. Кроме своего эго размером с Эверест. Наташку, личное кредо которой — «Мыши кололись и плакали, но продолжали жрать кактус» — такой фигней не сломить. И все равно жаль ее ужасно.

— Ты же понимаешь, что к тебе это не имеет никакого отношения, — сказала я. — У него ассоциативный ряд как у зубочистки. Собрались в кино — выложил про это песню. Ему, конечно, больше подходит «Мама, мы все тяжело больны»...

— Мне так плохо, не представляешь, — всхлипнула она. — Только что его позвала — и сразу: «оставь меня в покое, мы не можем быть вместе».

— Следующая тренировка завтра? Вот увидишь, все это яйца выеденного не стоит. Очередной заскок.

— Мне так больно, что я ему не нужна! У меня чувство, что меня просто расстреляли!

По ее щекам снова потекли слезы, и мое сердце сжалось. Как тут pomoжешь? Каждый живет сам. Ладно, выводим тяжелую артиллерию. Схема «все в говне, а ты в белом» действует безотказно.

— Наташ, ты меня прости, но он просто инфантильный недоумок. Задолбал уже своими отношениями без обязательств. Да кому он нужен, этот неуловимый Джо!

Наташа шмыгнула носом и подтерла глазки.

— А у нас сегодня йог в позе лотоса не смог! — разгонялась я, — Смотри-ка, песенку он выложил с намеком!

К туалетным кабинкам мимо нас опасно пробирались богемные барышни.

— Думаешь? — Наташа выпрямила спину и зашуршала в сумке, извлекая зеркальце с помадой.

— Да коне-е-ечно! Сколько можно из тебя кровь пить! Да пошел он вообще!

— Вот мне прям даже легче стало, — окрепшим голосом отозвалась Наташа. — Я тоже чувствую, что это какая-то хрень, не может быть, чтобы песня была про нас. После универа к гадалке зайду, надо карты разложить, что там у него в башке.

Не устану поражаться, как это создание выхватывает из информационного поля самые отборные иллюзии. Волны слез миновали, Наташка покрасила губы и стерла с лица остатки туши. Mission complete. Я выдохнула и смогла вернуться к главной мысли.

Он там.

Там. Там. Ту-дум. Сердце неистово билось в ребра, а я со скоростью света прокручивала вероятности того, что сейчас может произойти.

Заворачиваю за угол коридора — сталкиваемся — краснеем — извиняемся — продолжаю траекторию. Поднимает взгляд — снова втыкает в книгу. Или вообще не поднимает — иду мимо.

Шагает ко мне — заговаривает — мямлю что-то жалкое — бегу с позором.

Шагает ко мне — целует — умираю.

Завора... — его нет.

Через минуту я убеждаюсь, что последний пункт победил. Как пластмассовый мир в песне Летова. Остается поржать над тем, насколько нами рулят гормоны. Того и гляди начну рыдать в туалетах, а Наташка станет обзывать Накамуру козлом. Как одинаково-то все, господа. Будто все барышни рождаются с предустановленной программой, которая при встрече

годного самца выдает стандартный набор страхов, иллюзий и неадекватности. Не оправдал ожиданий — дубль два при встрече другого. Песня та же, поет она же.

И я туда же. Только в моем случае вместо йога — самурай.

— Ой, Лис, я тетрадь забыла, — Наташка всучила мне сумку и куда-то умчалась.

Я осталась в гулком пустом коридоре, по которому эхо разносило стук ее каблучков. Все-таки пустота бывает восхитительна. Нет ничего потенциальнее пустоты. Абсолют коридора в мгновение ока может породить что угодно, абсурдное и вполне осязаемое. Девушка, едва не затопившая туалет слезами как Плакса Миртл, убежит за тетрадь. Уборщица заширкает шваброй, передвигая ведро ногой. Метеорит проломит крышу универа. Запляшут цыгане с медведем. Накамура вернется к излюбленной стене. Почему бы и нет?

Аудитория напротив была открыта, кафедра пуста, из глубины доносились голоса. Факультатив, не иначе. Только напрочь отбитые заучки могут торчать в универе после пар. Ах да, ну еще страдающие дурочки вроде Наташки и верные падаваны вроде меня.

Я решила быть проще и потянуться к людям. Не люблю торчать одна где бы то ни было — чувствую себя фонарным столбом, подставкой для голубей со всеми вытекающими. А тут еще и шанс понаблюдать за кем-нибудь. Интересно, что за музейные экспонаты собрались?

Я нерешительно приблизилась и заглянула в аудиторию. Так и есть: искусствоведы ждали препода. Самым колоритным был хипстер с бородкой, в берете и клетчатом шарфе, поэтично обмотанном вокруг шеи. Ха, я ж его знаю. Наташка как-то была в него влюблена — минут пятнадцать, пока он не назвал «Сумерки» жвачкой для умственно отсталых.

Девушки оказались занятыми. Одна была стилизована под балерину: «шишак» на голове, вязанные гетры, бледные оттенки одежды и субтильная конституция — живое воплощение «Умиряющего лебедя». Блондинистая Барби вертела в пальцах карандаш с перышком и напоминала кремное пирожное в кружевах и пайетках. Одна особь вызывала неподдельный интерес: асимметричная стрижка смоляных волос, строгие очки, черно-красная гамма, на запястьях — витиеватые браслеты. Как говорила моя тетка из «Дневного дозора»: «Симпатичный вампирчик. Могли бы подружиться». И на заучек все они, мягко говоря, не похожи. Словно попала на кастинг сериала про элитный колледж искусств.

Остальных, ничем не примечательных студентов чекнуть я не успела. Услышав шаги, развернулась и испытала то, что Трэш назвал бы обрушением системы. Прямо передо мной, слишком близко, чтобы быть настоящим, стоял Накамура. Он слегка поклонился.

— Добрый день. Вы на лекцию? — Низкий глубокий голос звучал почти без акцента, но немного резко и с незнакомым интонированием.

Ту-дум. Дыши, Алиса, дыши. Смотри на него молча хоть целую вечность. Для чего еще нужна долбаная любовь — чтобы в нахлынувшей весенней радости любоваться незнакомцем, который вдруг стал таким родным, будто знаешь его не одну тысячу лет. Вот он, подарок коридорного абсолюта. Забыла, как дышать? Это ничего, скоро отпустит. Его черты уже начинают отпечатываться в тебе, чтобы ты смогла видеть его мысленным взором, когда захочешь. Узкий удлинённый овал лица. Подбородок чуть задран вверх. Четкий изгиб верхней губы, слегка выдающейся вперед. Тонкий нос с горбинкой. Упоительно черные, блестящие глаза, под левым — небольшая родинка. Высокий лоб с продольной морщинкой удивления. И хаотично растрепанные темные волосы.

Последний раз я задираю голову так высоко, когда убеждала кошку не скидывать со шкафа синюю чешскую вазу. Накамура был явно за метр восемьдесят пять, а из-за худобы выглядел еще длиннее. Если я сейчас шагну к нему, мой нос угодит в его подбородок. И да, он тоже меня разглядывает.

— Э-э-э... Жду подругу, — я, наконец, отмерла и выжала подобие улыбки. Даже слегка поклонилась, чувствуя себя персонажем аниме про школьную любовь.

— Простите, — он жестом показал, что хотел бы попасть внутрь, и я отступила. Накамура прошел за кафедру, поприветствовал студентов, начал лекцию. Посмотрел в мою сторону. Ну конечно, я же продолжаю на него пялиться, стоя в дверном проеме как зачарованное привидение, и наслаждаясь звуками его голоса. К счастью, на меня налетела Наташка:

— Представляешь, я ему позвонила, и все норма-ально! Пошли скорей, он через час ко мне приедет. Ну, ты что застыла?

Она сдернула меня с места, увлекая за собой. Удаляясь, я чувствовала его запах. Так пахнут тюльпаны — солнцем и перцем.

Глава 6

После шока неизменно наступает анестезия. Вот и сейчас я чувствовала себя как мамонт в вечной мерзлоте. Моя душа молчала, а мне так нужен был хоть один, пусть самый слабенький сигнал. Маякни, что со мной происходит. Это то, что я думаю? Я влюбилась с первого взгляда или это просто гормональный скачок? Я даже не знаю, есть ли у него девушка. Хотя знаю — наверняка есть, потому что такие, как он, не могут быть одиночками. Они столь притягательны, что им просто не позволят.

Ручеек Наташкиной болтовни звенел рядом. Надоевший до зубовного скрежета тренер по йоге то оправдывал, то не оправдывал ее ожидания. Я убавила внешнюю громкость до нуля и погрузилась в собственные мысли, периодически подкидывая в наш «диалог» мычание и ничего не значащие междометия. Подруге и этого было за глаза, в девчочковых разговорах главное — поскорей выгрузить накопившуюся словесную пену, потому что новая уже подпирает. В своем сознании я разглядывала лицо Накамуры. Снова и снова прослушивала его низкий бархатный голос.

— А о чем ты с японцем говорила? — Наташка вспомнила, что я тоже существую, и решила проявить интерес.

— Спросил, иду ли я на лекцию, — я неохотно прервала свое кино. Мне не хотелось говорить о Накамуре, словно слова могли повредить нежную вязь будущего. Будущего, в котором я, определенно, снова хочу его видеть.

— Заметила, как он на меня посмотрел?

— Кто?

— Ну, японец этот, Нака... муся. Мы когда уходили, он так внимательно в нашу сторону посмотрел. Может, на факультатив к нему сходить? Наши ходят...

Я мысленно ударила себя под дых. Могла бы сейчас сидеть на его лекции, еще глубже падать в свою кроличью нору, но главное — что-то о нем, наконец, начать понимать. Я даже вслух застонала от досады. Стоп, а куда, спрашивается, пропал Трэш? Он же еще в пятницу получил четкое техзадание — хакнуть Накамуру. Ну, не то чтобы прям хакнуть, так, слегка поузнавать. Черт, совсем забыла про курсовик его сестры, ннх... Потому он и не шевелится.

В этот момент Наташка перешла к той части, где она готовит своему йогу вегетарианскую лазанью.

— ...тесто дрожжевое, потом соус из сыра и кетчупа, сверху кубики баклажанов...

— Подмешай ему колбасы уже. Отомсти за пролитые слезы.

— Ты что, он сразу поймет. Это же тамасичная пища, он все энергии знаешь как чувствует. Ладно, вечером созвонимся!

Подруга припустила к автобусу, грузно причалившему к остановке. Ездить в метро Наташа опасалась — однажды ей попала статья, что люди там сходят с ума под воздействием психотронного оружия и прыгают на рельсы. С тех пор под землей ее охватывает паника, и поезд она ждет, вцепившись в поручни перехода. Впечатлительная моя. И это говорю я, которая, возможно, только что влюбилась в человека после двух фраз и одного поклона.

С другой стороны, кто из нас без тараканов? Взять хоть мою бабушку — ни в жизнь не полетит на самолете. И в поезде выбирает только безопасные места рядом с аварийным выходом. А в маршрутке садится лицом к салону, чтобы при столкновении ее не выбросило из кресла ударной волной. Надо будет и себя просканировать на предмет бзиков. Одна навязчивая идея уже налицо: мне срочно нужна любая зацепка насчет Накамуры. Иначе под воздействием психотронного оружия я сойду с ума и так далее.

Аверин еще днем прислал сообщение, что заедет за мной в половине пятого. Поэтому, проведив Наташку, я вернулась к ближайшей парковке. «Лексус» уже стоял там — перегородив

выезд сразу нескольким автомобилям. За рулем сидел неизвестный персонаж — мужчина лет тридцати с волосами цвета жухлой травы, неприметным лицом и в костюме такого качества, которое не может позволить себе обычный водитель. Он вышел и открыл заднюю дверцу со своей стороны, не представившись и не спросив, как меня зовут. Всю дорогу мы ехали в полной тишине. Изредка я ловила его цепкий взгляд в зеркале заднего вида.

Кирилл Леонидович встретил меня в просторном кабинете на 13-м этаже бизнес-центра, где располагался головной офис его фармацевтической компании. Хайтечное здание, достойное адвокатов дьявола, было вынуждено мириться с тягой этого человека к домашнему уюту. Стол для заседаний с кожаной столешницей. Широкие замшевые кресла. Восточный шерстяной ковер. Гринпис в глубоком обмороке.

Я не удержалась и спросила, как давно он нанимает на работу бывших киллеров.

— Ты про Володю? — улыбнулся Аверин. — Он тебя напугал? Не обращай внимания, он всегда такой. Говорят, дзен-буддист, — он заговорщически понизил голос.

Я не стала спорить и сунула пальцы в карманы джинсов. Моя волноваться.

— Прости, что ничего не объяснил по телефону, — продолжил Наташин папа. — Я внимательно изучил табличку и решил, что ты у нас будешь креативным аналитиком. — Он одобрительно хлопнул меня по плечу. — Те риски развития интернет-магазина, которые ты нашла, стоят не меньше, чем весь отчет маркетологов. Ну, что, идем смотреть рабочее место?

Тудум. Тудум. Мы спустились на этаж ниже, от лестницы направо, до конца по коридору и в светлую комнату с мерным жужжанием офисного планктона.

— Нравится?

Место было роскошное. Далеко от входа, рядом с окном. Уютный уголок точно по моему вкусу, скрытый от чужих глаз полупрозрачной перегородкой, и вау! — на столе красовался макинтош последнего поколения. Обнять и плакать. Я сглотнула то ли набежавшую слюну, то ли реальные слезы.

— Безумно нравится, Кирилл Леонидович. Но я должна подумать. Хотя бы ночку с этим переспать.

Однако именно в эту ночь сон не задался. Едва я легла в кровать, мысли пришли в броуновское движение. Сначала я бесилась из-за Трэша: он так ничего и не прислал, хотя я подсутила и отправила ему курсовик с правками. Потом злилась на Накамуру, который материализовался в моей жизни совсем не вовремя и теперь вынуждает думать о нем и творить всякую хрень. И, наконец, психовала из-за странной должности — «креативный аналитик». Что это за зверь такой? Слишком творческий для просто аналитика, но недостаточно талантливый для брендмейкера?

Звучит вроде неплохо. Но, если честно, возиться с аптечным ассортиментом — не предел моих мечтаний. Особенно когда из всех лекарств уверенно знаешь только пластыри, нурофен и клей БФ-6.

А вдруг я жестоко ошибусь, если не приму предложение Аверина? Как в тех фильмах, где героиня отказывается от крутой работы, а потом оказывается в подворотне с миской лапши быстрого приготовления. Нет, до такого точно не дойдет — Ба не отпустит меня жрать дошик в подворотне, даже если ее умолять.

В конце концов, причина для отказа нашлась. Скука. Сидеть в офисе за ногу привязанной, — это не мое. Даже за такие деньги, о которых студент без золотой ложки во рту может только мечтать. Я хочу свободы. И попробовать новое — до тех пор, пока не начнет мутить от слишком быстро пролетающего за окном пейзажа.

Утром вместо первой пары я поехала напрямик к Аверину.

— Почему? — недоумевал он. — График свободный, сможешь работать после учебы. Зарплатой не обижу. Я уже и задачи для тебя накидал...

— Простите, Кирилл Леонидович. Это о-очень лестно. Но я себя знаю: не смогу долго заниматься одной фармацевтикой. Заскучаю, вы же сами меня и выгоните. И потом, такой компании, как ваша, нужен супер-пупер специалист, а чтобы стать им, надо набраться опыта в открытом плавании.

Кирилл Леонидович покачал головой: «Какие продуманные студентки нынче». Минуту помолчал под мерное буханье моего сердца, потом взял телефон и набрал номер:

— Михаил Львович, это Аверин. Хочу вас познакомить с очень перспективной девушкой. С этого момента она будет заниматься нашим интернет-проектом. Сейчас подъедем..

Глава 7

Рекламно-маркетинговое агентство «Амадей» располагалось на десятом этаже офисного здания — всего в пяти минутах от моего дома, и это показалось хорошим знаком. Здесь не было шикарных светлых кабинетов, как в «Фармселле», зато на каждом квадратном метре опенфиса кипела жизнь. Самым старшим сотрудником оказался владелец, он же гендир — как шепнул Аверин, Михаилу Львовичу недавно исполнилось тридцать пять. Остальные — семь человек в офисе и еще сколько-то бегали в полях — плавно растянулись по графе от двадцати до тридцати. На перегородках и стенах — доски, увешанные фотками с тимбилдингов, на столах — рабочий бардак. Даже под потолком болталась гирлянда из скрепышей. То и дело тренькали телефоны, у кого-то «горели сроки»... В общем, напоминало шабаш в летнюю ночь.

Михаил Львович оказался высоким и слегка сутулым brunetом, будто стесняющимся собственного роста. Поначалу будущий босс смотрел на меня с легкой иронией, но ровно до тех пор, пока не изучил мою табличку с оценкой рисков и перспектив нового проекта «Фармселла». Потом одобрительно покивал головой и протянул:

— Одна-ако.

Кирилл Леонидович тоже закивал, со значением:

— Ага-а. Самородок! Настоящий талант!

И распорядился, чтобы мне срочно передали все оставшиеся работы по проекту.

Дальше все завертелось с головокружительной скоростью: с моего будущего стола сняли коробки с мерчем, подкатали стул на колесиках и пообещали в ближайшее время раздобыть нормальный ноутбук. Я заверила, что обойдусь своим. Михаил Львович подозвал одну из сотрудниц, та принесла папку с техзаданием, уже знакомыми распечатками и продиктовала пароль от облачного файла с проектом.

Затем Аверин подбросил меня к универу и велел не стесняться — обращаться, если что-то пойдет не так. Ошеломленная бурным натиском жизни, я подалась ко входу и с облегчением спряталась за тяжелыми дверями альма-матер. Каким-то непостижимым образом я все-таки устроилась на работу. Было похоже на то, что меня наконец догнали и нанесли добра.

Прощай, свободная жизнь. Но и здравствуйте, бабки — что, в общем, тоже неплохо.

Остаток лекций я посвятила мечтам: на что потрачу первую зарплату, чем порадую Ба, как побыстрее да попроще справиться с проектом. И, конечно, мысленно перебирала будущих коллег — сверялась с первыми впечатлениями и пришла к выводу, что пока отношусь ко всем нейтрально.

Михаил Львович был ничего. Если быть честной — чертовски красив: вампирская бледность, темные глаза, рот, как у героя нуарного детектива. Если бы не японец, постоянно маячивший на задворках сознания, я бы с упоением пофантазировала, как у нас с Мишей все могло бы сложиться. Подумаешь, пятнадцать лет разницы. Но интуиция подсказывала: если я ему приглянулась, к протее Аверина он не станет протягивать даже мысли — не говоря уж о руках.

Выйдя из последней на сегодня аудитории, я наткнулась на Накамуру, который разглядывал расписание на информационной доске. Снова весь в черном, с рюкзаком на спине, он водил пальцем по строчкам, будто искал какую-то группу или кабинет. Какого черта искусствовед забыл на базе математиков?

Заметив меня, Накамура улыбнулся и слегка поклонился; его щеки порозовели. От неожиданности я тоже поклонилась — с таким энтузиазмом, что тетради и учебники, которые я не успела затолкать в сумку, отлетели к его ногам. Мы одновременно присели, чтобы их подобрать. Он оказался быстрее и подал их мне, на мгновение коснувшись моей ладони теплыми пальцами.

Наши взгляды снова встретились: его — внимательный, немного насмешливый... или смущенный? А мой — слишком неприличный, наглый, изучающий. Ворующий все блестящее, не в силах устоять перед соблазном.

Его совершенные, четко очерченные губы приоткрылись, словно собираясь заговорить. Я вдруг подумала, каково это — попробовать их на вкус? Прямо сейчас. Податься вперед — буквально на двадцать сантиметров — и почувствовать их мягкость своими губами, провести по ним языком...

Но в этот момент мой научрук грубо вторгся в мою личную жизнь и утянул в кабинет обсуждать диплом. Когда я вырвалась на волю, коридор был пуст.

Решив, что на сегодня с меня хватит впечатлений, я отказалась и от Наташкиного предложения пойти на модную выставку, и от назойливых уговоров одногруппников, заманивающих на вечеринку, — и как вождь пролетариата отправилась на чердак (читай: домой, в нашу с Ба уютную квартирку) работать, работать и еще раз работать.

В метро подумать не удалось: вокруг меня на все голоса орали мелкие дети, перекрывая грохот поезда. Потом в вагон ввалилась подростковая банда — ржали, мутузились и окончательно захламили мое и без того неустойчивое сознание. Пришлось воткнуть в уши Muse и отгородиться от хаоса. Интересно, какую музыку слушает Накамура? Патриотичный j-rock? Классику? Или нечто концептуальное и труднопроизносимое?

И все-таки — чем он меня зацепил? Мне что, нравятся долговязые и лохматые? Тогда уж проще завести афганскую борзую. Ну да, красивый, но и Миша Львович, мой новый босс, не хуже. Неужели я настолько примитивна, что могу повестись на какой-то там особый взгляд? Да кто он вообще такой, чтобы так бесцеремонно вторгаться в мои мысли?

И тут меня осенило — я не могу понять, кто он такой. Влезть в его шкуру, чтобы почувствовать изнутри. Незнакомый менталитет плюс вечный покерфейс — мне просто не хватает данных, чтобы его просчитать.

Прекрасно. Теперь у меня не только диплом и работа — у меня еще и исследовательский проект, за который Нобелевка точно не светит.

Глава 8

Привычка копаться в людях появилась у меня лет в двенадцать, после перевода в другую школу. До этого я страдала абсолютным человеческим дальтонизмом. Все по умолчанию казались хорошими — кроме очевидных мерзавцев, — потому что в то время я не умела просчитывать чужие намерения и мотивы.

На второй день лидерши нового класса подружились со мной и подкинули записку якобы от самого красивого мальчика. А когда я, облившись бабушкиным Climat, заявила на свидание под школьные елки, встретили толпой и объяснили, что ботаничкам вроде меня высываться не стоит. После такого оставалось только поумнеть.

Тогда я и начертила свою первую табличку, куда внесла характеристики самой главной сучки. Читательский опыт подсказывал, что одно качество человека всегда тянет за собой целый поезд. Типажи людей совпадают в базе и варьируются только в деталях.

Лесть — значит ложь. Ложь — это жадность. Неважно, к чему: к количеству мальчиков, денег или власти. Жадность — это трусость или страх потерять то, что имеешь. Такие проявляют щедрость только чтобы набрать очки и потом взять еще больше. А трусость неизменно приводит к предательству.

Больше я не позволяла себе рассиропливаться.

Постепенно столбцы и строки прибавлялись, но вносить их в таблицу не было нужды — она в любой момент могла развернуться в моей голове. Тот, кто много говорит о себе и хвастается — слабый и завистливый, а значит, ненадежен и легко подставит. Высокомерный делит мир на себя и второй сорт, поэтому может быть жесток и опасен. Подчеркнуто вежливый — та еще мина под жопой. В самый неподходящий момент рванет из-за накопленного скрытого гнева.

Словом, люди — большие экселевские таблицы. Научись их читать, и сюрпризов не будет. Как поет «Дайте танк (!)»:

«Сколько по магистралям ни колеси, на экране будут все те же знакомые энписи».¹

Однако всегда находятся исключения, которые не поддаются анализу и ускользают из любых систем. Вроде высокого японского парня во всем черном, с рюкзаком за плечами и стопкой бумажных книг. Такой может быть кем угодно: от депрессивного интроверта до свободного художника, от осознанного минималиста до эксцентричного миллионера. Или просто носит черное, чтобы маскировать пятна на одежде. Иногда веер возможностей ужасно бесит.

Ближе к дому от моего воодушевления не осталось и следа. Душа поднывала, как голодный щенок у шаурмичной — и я не знала, чем ее унять. На самом дне сердца, среди травы и камней, тяжелел комок страха: ничего у тебя не выйдет, Алиса, можешь не напрягать свой IQ. Оставь Накамуру в покое. Он о тебе и думать забыл, а ты пытаешься превратить его в квест уровня Dark Souls, где даже сохраниться нельзя. Между вами — культурная пропасть. А в ближайшей перспективе — и расстояние в семь тысяч километров, когда он вернется в Японию.

В общем, все как обычно: я придумала себе проблему и теперь героически ее не решаю.

¹ «Дайте танк (!)». «Рекурсия»

Глава 9

И все-таки я ужасно приземленное существо. Моя тоска заглохла уже в подъезде, где витали вкусные запахи. Может, это никакая не влюбленность, а я все время тупо хочу жрать? Еще утром бабушка написала в телеге, что вернулась в город, и на обед будет омлет с помидорами и разными всяковинами. Это чтобы я не задерживалась. Знает, что за хороший омлет я могу и кольцо в Мордор отнести.

— Привет, ба! Уже лечу! — крикнула я в кухню.

— Сначала помой руки! — отозвалась бабушка.

— Мне не пять лет!

— Все равно помой!

Над тарелками поднимался нежный парок. Бабушка налила в стаканы апельсиновый сок и тоже взялась за вилку. Она всегда понимающе молчит, когда я ем. Две вещи в жизни для меня священны — сон и еда. Если меня от них отрывать, я зверею. Прости, Накамура. Я тебя подумаю позже...

После обеда я встала помыть посуду, а бабушка принялась резать яблоки на шарлотку — к ужину ожидалась ее почтенные подруги. Кругленькая Марина Сергеевна служила гардеробщицей в известном театре и при желании могла бы вести сайт скандальной хроники. А статная Фелонея Аскольдовна подрабатывала горничной в сауне и с тем же успехом могла бы издавать банно-эротическую прозу. Когда она начинала описывать «очередной пердимонкль, девочки», бабушка говорила:

— Алиса! Закрой уши и ступай к себе.

Я ступала к себе и валялась на кровати, согнувшись от смеха. Зато в нашем доме никогда не говорили о болезнях, ценах и правительстве. И без того было весело.

— Алиса, у тебя что-то происходит? — вдруг спросила бабушка. — Я тебя в последние дни не узнаю. Замкнулась, ничего не рассказываешь, витаешь где-то...

— Все хорошо, ба! — сказала я, вытирая руки. — Ты же знаешь, я всегда думаю только об одном.

— И о чем же?

— О мировой революции, конечно. А еще о ценочках, платьицах и о том, как хочется на ручки! — Я обняла ее и расцеловала.

— Ты не влюбилась, часом? — Бабушка посмотрела на меня с тревогой, словно у меня начинался грипп. — Твоя мама ходила точь-в-точь такая, когда встретила твоего отца.

Она закусила губу, будто сказала лишнее. И продолжила:

— Вы с ней так похожи, Алиса. Я боюсь, что ты тоже можешь надеть глупостей.

— Каких?

— Выбрать не того человека. А потом всю жизнь мучиться. У нас ведь в роду все однолюбки — если не ОН, то никто не нужен.

— Ну что ты, ба. Ни в кого я не влюблена и не собираюсь. А соберусь — приведу его к тебе на утверждение. Просто в универе завал — скоро сессия, статью сдавать, и диплом еще не валялся...

— Ох, обманщица. Ладно, будем делать вид, что я поверила.

Не иначе, снег сегодня пойдет. Разговоры про отца у нас табу — бабушка считает, что он свел мою маму в могилу. Тем, что его не было рядом. И неважно, что расстались они еще до моего рождения, а авария случилась пять лет назад. Все, что мне досталось, — счастливое фото молодых родителей и претенциозная фамилия папы. Соболевская. Как у модистки в фильме «Место встречи изменить нельзя», которая с Фоксом крутила. Если я когда-нибудь вдруг запою шансон, с такой фамилией от поклонников отбоя не будет.

В комнате меня поджидал сюрприз. У недавно проклюнувшихся ростков апельсина нагло отгрызены верхушки, что лишало дальнейшее садоводство всякого смысла. Довольная кошачья тина валялась на подушке кверху пузом, няшность зашкаливала.

— Ах ты, зверская морда, — начала я укоризненно. — Зачем апельсины съела? Я их хотела в зеленые горшочки пересадить, под цвет шторки.

Кошка обхватила лапкой мой палец и не отпускала: мол, подумаешь, апельсины — главное в жизни это любовь и здоровый сон. Пришел человек — надо храбастеть. Выполнять главную кошачью работу...

— Даже не смей мне тут... — пригрозила я. — Усыплять меня вздумала? Ладно, полежу с тобой минуточку.

Теплая шерстяная тушка устроилась у меня на плече, я прижалась к ней щекой. Вот она, настоящая любовь — без слов, с безусловным доверием и... с наждачным языком, ошкуривающим тебе ухо. Ну, хватит уже...

Затренькал телефон, на экране светился Трэш.

— И что молчим, чего ждем? Ты куда пропала, мать? — бодро начал он.

— Это я пропала? — я подскочила от возмущения, и кошка, свалившись, недовольно задергала хвостом. — Это ты меня игноришь. Четыре дня прошло! Где инфа?

— Да не игнорю я, — начал Трэш, но меня было не остановить.

— Ой, только не говори, что у тебя была срочная работа и ты не мог выделить десять минут на такую простую просьбу.

— Да погоди ты, — раздраженно перебил Трэш. — Нормально я выделил, вот только ничего не нашел. Нет его в открытых источниках. Ни в России, ни на родине. Ни одного аккаунта, ни единой фотки — полный ноль.

— Как это возможно? — напряглась я.

— Да хрен знает. Номер, который он оставил для связи на кафедре, используется только для звонков. Японская симка отключена. Может, на одноразке сидит, но это совсем другая тема — в даркнет надо лезть и так далее.

— То есть он... фантом?

— Что-то вроде. В наше время не иметь цифрового следа — это целое искусство. Хотя он же искусствовед, так что в каком-то смысле закономерно. — Трэш усмехнулся. — Бонусом могу сказать, что у него есть брат и сестра, Тоширо и Мия, про мать без понятия. Семья не бедствует. У них семейный банк средней руки, не миллиардеры, но хорошо обеспечены. Дальше копать не стал, там уже других людей подключать надо.

— Как думаешь, почему он такой скрытный?

— Да кто их поймет. Японцы же инопланетяне. Может, философия такая, может, он помешан на аналоговом формате. А может, из-за банка. Если они работают с крупными шишками или вообще с якудза.

— Ну да, ну да, — я хмыкнула. — Искусствовед-якудза. Ржу не могу.

— Так что, Лис, спасибо за курсовик, буду должен, — подытожил Трэш.

— Спасибо, что попытался. — Я вздохнула. — Чем сейчас занимаешься?

— Да вот фэн-шуй чинил. Решил избавиться от всего, что тормозит энергию ци. Систер велела. Тебе книжек не надо случайно? Детективы, серебряный век?

— Не, я электронные читаю. Да и места нет. Может, в библиотеку сдать?

— Кому они там нужны. Все как и ты, электронные читают.

— Все да не все. Есть отдельные экземпляры. Как раз недавно один попался...

Я замерла на полуслове. Отдельные экземпляры... Алиса, ну ты и тормоз!

— Макс, ты гений!

— Это да, это да. Жаль, что ты не ценишь, а я бы мог...

— Мне срочно нужен формуляр Накамуры. Он стопудово ходит в библиотеку, я его с книжками видела. Придумай что-нибудь! Мне только одним глазком взглянуть.

— Соболевская, ты меня под монастырь подведешь. И заметь, я даже не спрашиваю, зачем тебе это безрассудство. Ла-адно, как достану — позвоню.

Трэш отключился, а я продолжила мысленно раскручивать библиотечную тему — на случай, если у него что-то пойдет не так. Подкуп/шантаж/обман/давление на жалку. У меня что, криминальный склад ума? Ни одного честного варианта.

Я горестно прижала к себе кошку. Ты вообще стоишь этого, Накамура? Устроил мне, сам того не зная, жизнь героических ботаников. Впервые я испытываю необъяснимое притяжение к человеку, которого видела в сумме несколько минут. Дошла до того, что собираюсь совершить преступление — и даже не за еду. За надежду найти повод заговорить с тобой, обронить фразу, на которую ты не сможешь не ответить. А что может быть лучше, чем цитата из книги, которую ты недавно прочел? Поэтому мне нужен чертов формуляр.

Глава 10

Остаток недели прошел без приключений и довольно уныло. Трэш опять провалился сквозь землю, хотя сам же сказал, что мне должен! А может, он просто не торопится сводить меня с парнем? Если до сих пор ко мне что-то чувствует, то довольно жестоко просить его узнавать про Накамуру. Но Макс уже давно не пытается ко мне подкатывать. Значит, принял ситуацию и переключился на кого-то еще. Вот если бы он обратился ко мне насчет какой-нибудь девушки, я бы спокойно... Э-э-э... ну, почти спокойно помогла. В конце концов, ревность бывает и между друзьями, так ведь?

Несколько раз издали видела Накамуру: в холле универа, на остановке и в столовке. Всегда в компании студенток — меня так и не заметил. Позже длинный черный силуэт мерещился мне в метро и даже возле дома, хотя последнее явно тянуло на галлюцинацию. И каждый раз в груди что-то ёкало, а солнечное сплетение закручивалось в спираль. Обидно осознавать предательство собственного тела, но ничего не поделаешь — все во мне на клеточном уровне стремилось к Накамуре. Он был единственной планетой с нужным мне воздухом.

Ужасно. Я выучила мантру: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»¹, но она помогала плохо. Классика против гормонов не вывозит. Поэтому на выходные мы с моими тараканами кинули в рюкзак документы по проекту «Фармселла» и уехали в сад — ни о чем не думать, кроме работы.

В понедельник, после универа, я отправилась в «Амадей» — показать Мише промежуточный результат. Не успела войти в лифт, как услышала окрик:

— Ой, задержите, пожалуйста!

Я поспешно нажала кнопку открытия дверей, и в кабину влетела спортивная блондинка с короткой стрижкой и ярко-голубыми глазами — линзы, конечно. Белый костюм контрастировал с загорелой кожей, из-под длинных широких брючин едва виднелись острые носки и шпильки кремовых туфель.

— Спасибо огромное, — выдохнула она. — А вы тоже в «Амадей»? — Она кивнула на фирменную папку с логотипом, которую я прижимала к груди. — Там работаете? Я вас раньше не видела.

— Я новенькая. Стажер.

— А-а, ясно! Чем занимаетесь? Меня Ольга зовут.

— Просчитываю шансы и риски интернет-магазина для фармацевтической компании.

Алиса.

— Маркетолог?

— Математик.

— О, внезапно!

— Почему? Бизнес — это цифры: спрос, траты, тренды. Я просто нахожу закономерности в данных и просчитываю вероятности.

Мы вышли из лифта и направились по длинному коридору к офису «Амадея».

— Знаете, — Ольга замедлила шаг, — у меня как раз проблема с анализом данных. Продажи сайта сильно просели, а причину никто найти не может. Все кивают на сезонность, но конкуренты, наоборот, прут вперед!

— М-м, интересно, — я задумалась. — Тут нужно смотреть на все в комплексе: продажи, трафик, источники переходов...

— Ой, а вы можете посмотреть? Конечно, я понимаю, у вас свои проекты...

— Если начальство не будет против, почему нет. Какой у вас бизнес?

¹ А. С. Пушкин. «Пора, мой друг, пора!»

— Натуральная косметика, — Ольга оживилась. — Свое производство, пять бутиков по городу, хотим масштабироваться в регионы.

— Окей. Спрошу Мишу Львовича.

— Я сама спрошу, мы ваши клиенты не первый год. Спасибо огромное!

— Да пока не за что...

Михаил Львович иронично разглядывал меня, склонив голову, пока Ольга убеждала его подключить «ценного специалиста» к ее задачам. А я смотрела, как его длинные изящные пальцы вертят ручку, стараясь не пялиться на вампирски прекрасное лицо. Наконец, они согласовали дополнительную оплату, и я обзавелась вторым клиентом.

К вечеру у меня были все необходимые данные, но сердце подгрызала тревога. Что если я не справлюсь? Аверин, который дал подруге своей дочери поиграться с бумажками — это одно, поймут и простят. А чужая тетя — совсем другое, тут можно облажаться от души. Если выдам неправильный прогноз, а люди поверят и потеряют деньги — чем я буду лучше инфоцыганки? Но уже вписалась, поздно давать заднюю. В конце концов, если я собираюсь всю жизнь избегать новых клиентов, зачем было отказывать Аверину и идти в «Амадей»? В общем, поживем — увидим.

Добравшись домой после офиса, я чмокнула в щеку бабушку, которая специально вернулась из сада, наготовила еды на неделю и наполнила квартиру умопомрачительными ароматами. Включила ноутбук — вдруг захочется поработать. Хотя бы над дипломом, сроки которого дымились, как бикфордов шнур, и готовы были рвануть. Но вместо работы нырнула в душ, а вынырнула прямиком на кровать. Потянулась за ноутбуком, и... е-мое! Пока меня не было, хвостатое коварство залезло на клавиатуру и отправило в мессенджере шесть строчек из одних шестерок моему научруку. Так сказать, привет из преисподней. Ответ убил: «Приятно видеть, что у кошки математика даже задница неплохо считает».

Уловив мое смущение, злостная шерсть запрыгнула на кровать и затарахтела: «Спи, спи, глупый человек, толку нету никакого, хоть погреюсь о тебя, пока спишь. Хррр, мррр...»..

Глава 11

— Я знала, что ты больной, но не знала, насколько. Ты реально думаешь, что мы сможем в таком виде пройти мимо охраны?

— Сама ты больная. Это не я придумал красть формуляр. Это ты обожаешь впрягаться в любые непонятные ситуации, настойчиво не замечая их нелепости.

— Не красть, а скопировать.

— В туалете оденемся. Говорить буду я. Гоу.

До сегодняшнего дня я не знала, где находятся поджилки. Теперь знаю — везде. В белом костюме химической защиты Трэш выглядит как инопланетный глист-снеговик. Мне достался ядовито-зеленый, я просто чудовище, Вий отдыхает. Впрочем, тем лучше. Макс протягивает мне красные корочки и велит предъявить при входе. Краем сознания я отмечаю, что зеленый гармонирует с красным.

— Биологическая опасность, всем покинуть помещение, — орет Трэш, размахивая удостоверением. Я тоже ору не своим голосом:

— Сибирская язва! Все на выход!

Заучки с писком прошмыгивают в коридор, долго упрашивать не приходится. Одна из библиотекарей, самая умная, берет стационарный телефон. Трэш подскакивает и выхватывает трубку.

— Дорога каждая секунда. Вы хотите умереть от сибирской язвы?

— Нас никто не предупредил...

— В библиотеке заложена книга с порошком антракса. У нас приказ — немедленно обезвредить, иначе будет много жертв. Вы, как ответственное лицо, обязаны предотвратить панику — никому ни слова. Успокойте эвакуированных. Родина вас не забудет.

Женщина огибает Трэша, как будто это он — источник заразы, и скрывается в коридоре.

— Ищи быстрее, я держу дверь!

Я бросаюсь к каталожным шкафам. Н, на, нак... Черт, сколько же вас тут, на! Вот нужный ящик. В грубых негнущихся перчатках химзащиты кое-как перебираю формуляры, нахожу Накамуру, достаю и разворачиваю, подлый мобильник норовит выскользнуть...

— Готово!

Трэш хватает ближайшую книжку с полки, кладет в прозрачный пакет с надписью BIOHAZARD, я выглядываю в коридор. Один из студентов разговаривает с охранником, тыча пальцем в нашу сторону.

— Трэш, нам капец.

— Давай сюда, быстро.

Мы бежим за дальние стеллажи, лихорадочно стаскиваем костюмы и толкаем в наши рюкзаки.

— Наушники! — Трэш сует мне второй комплект. Штекер я прячу в карман джинсов. По плану «Б» мы слушаем громкую музыку и не в курсе происходящего. Приближаются шаги. Ту-думмм.

— Прости, Алиса.

— За что?

— За это, — Трэш впивается мне в губы, от неожиданности у меня подламываются коленки. К нам бежит охранник, разворачивает к себе:

— Где они?

— Кто?

— Ай-яй-яй, — вопит кто-то, — идите скорей!

Охранник рвет с места, мы за ним. Пожилая дама с неподдельным ужасом смотрит на пакет с книгой, который Трэш бросил ей на стол. Надпись BIOHAZARD пугает и без перевода. Охранник что-то кричит в рацию, мы делаем ноги и останавливаемся только у машины Трэша, которая припаркована чуть ли не в квартале от библиотеки. Ради конспирации.

Я ищу телефон, его нигде нет. Трэш набирает мой номер, мобильник звонит, я никак не могу его нашарить...

— Алло...

— Короче, я все тебе нашел, — в трубке звучит голос Трэша, который... стоит прямо передо мной и молчит. Асфальт под ногами превращается в песок. Тойота — в пони, жующего парашют. Меня стремительно сносит в реальность. Я открываю глаза и вижу потолок своей комнаты.

— О, господи, ты не представляешь, что мне сейчас снилось.

— Вот так всегда, я пашу, она дрыхнет. Тебе нужен формуляр или нет?

— Нужен.

— Тогда вылезай из норы минут через пятнадцать и подходи к метро. Успеваешь?

— Ага. А прислать в телегу нельзя?

— Соболевская!

Так и представила, как он закатил глаза. Трэш никому ничего не пересылает, потому что лучше других знает, чего стоит конфиденциальность в интернете.

— Да, да, уже иду.

Шерстяная колбаса все-таки меня усыпила. Это не кошка, а какое-то оружие индивидуального поражения. Улеглась вокруг головы, как нанайская шапка, и поет свои северные песни. Агррр, надо вставать и ползти обуваться. Ненавижу, когда меня будят. Если бы я еще и ела в это время — Трэшу конец.

Я закрыла глаза. Всего на минутку. Еще немножко полежать перед выходом....

Глава 12

Библиотека. Я снова здесь.

Обычно моя реальность пластична — я могу допустить вероятность практически чего угодно. То, что обычно называют чудесами, для меня лишь пересечение событийных потоков. Редкое, но не невозможное. И сейчас, глядя на то, как сотрудницы гонятся за Трэшем, который уезжает от них на роликах, роняет книги пачками и разбрасывает флаеры зоопарка, я ощущаю, как мои внутренние границы трещат по швам.

— *Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivé!* — распевает Трэш, наслаждаясь хаосом. — А еще да-вай быстрее-ее, они поймаю-ют сейчас меня-я!

Он хватает одну из девушек за рукава и кружится с нею. Потом стаскивает с полки несколько раритетов и катит с ними к выходу. Библиотекари с визгом бегут следом. Кавалькаду поглощает тьма коридора, а я рву на себя ящик на букву Н. Слишком сильно — он падает, формуляры разлетаются. Я лихорадочно ищу: Нарния, Нагано, Навуходоносор...

Внезапно меня оглушает сигнализация. Я накрываю голову подушкой, но сирена не смолкает. Кто-то звонит в дверь, настойчиво и громко. В коридоре бабушка говорит на пониженных тонах:

— Здравствуй, Максим. Алиса, кажется, спит.

— Я знаю, Елизавета Петровна. Это она так меня ждет.

— Ох, ты же весь вымок. Проходи, а я найду во что переодеться.

— Да не надо, я ненадолго. Вызову такси.

— Ну, смотри...

Я бросила взгляд на телефон — одиннадцать пропущенных. Трэш вошел в комнату, и я зарылась лицом в подушку.

— Н-н-х, прости, Макс. Это все она виновата, — я указала подбородком в сторону кошки, которая спала теперь в горшке с гибискусом, обвинившись вокруг ствола как жирная меховая гусеница.

— Держи свой формуляр, — Макс протянул мне флешку.

— А он разве не бумажный?

— Ты что, мать? — Трэш коснулся моего лба тыльной стороной ладони. — Сама же в библиотеку ходишь, они сто лет как электронные.

— Уфф, что-то я и правда не в себе. Такой сон приснился... — Я непроизвольно провела пальцем по губам. От Трэша это не укрылось, и он криво усмехнулся, но ничего не сказал.

Мокрый от дождя, злой и неразговорчивый Макс внушал тревогу. Болтовня для него — как холодный нос собаки. Молчит — значит, болеет. И сейчас с ним явно было не все в порядке.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Ты случилась на мою голову, — буркнул Трэш и пошел обуваться.

— Ну, уж нет, Максим, сначала выпьешь чаю, — тоном, не терпящим возражений, заявила бабушка. — Ополосните руки и за стол.

Пара кусков шарлотки — и Трэш был как новенький. Сыпал шутками, блестел глазами, источал вселенский оптимизм. Но за этой мишурой будто притаилась мрачная тень. Когда бабушка отвернулась, я кивнула Трэшу в сторону коридора. Мы вышли на лестничную клетку.

— Ты точно в порядке?

— За себя беспокойся. Это же ты у нас не видишь героев в своем отечестве, тебе заморских подавай. У меня все ровно.

— Спасибо за формуляр, Максим.

Он чмокнул меня в щеку:

— Не пытайся повторить самостоятельно. Выполнено профессиональными каскадерами.
И да, если что, я всегда готов к сиквелу.

Бабушка ждала меня на пороге кухни в характерной позе, которая называлась: «Ох, Алиса, Алиса...»

— Ну, говори уже, ба...

— Морочишь голову парню.

— Мы просто друзья...

— Угу..

Глава 13

Наконец мы остались втроем — я, флешка с формуляром Накамуры и шерстяная тирания, захватившая кровать. В окно барабанит дождь, я зажигаю лампу и с хищным предвкушением склоняюсь над своей картой сокровищ. У некоторых чешутся руки — у меня от любопытства чешется мозг. Муки совести? Не, не слышала.

На секунду мне кажется, что Трэш перепутал и скачал мой формуляр времен первого курса. Это же шорт-лист моих фаворитов! Некоторые прямо сейчас стоят на полках. Да, уже давно читаю с ридера, но некоторых авторов нужно держать в бумаге. Просто чтобы были рядом. Даже если не открываешь их годами.

Книги в списке Накамуры — не мои, но знакомые до мурашек. Словно кто-то подключился к моему мозгу и скопировал файл с базовыми настройками. Как это возможно — чтобы два абсолютно разных человека читали одно и то же? Наташка бы увидела в этом знак свыше, но я признаю только дорожные. Вопрос один: что наши общие вкусы могут рассказать о нем?

Ладно, составим табличку. Да-да, ту самую. На него тоже.

На первом месте — Набоков: пять книг вернул, одна на руках. Шесть штук, Карл! Это что вообще значит? За идеальным покерфейсом скрывается бушующий океан? Или его цепляет многослойность великого и могучего русского языка?

На втором месте — Бунин: четыре вернул, одна на руках. Ну это хоть понятно. Японцы умеют находить красоту в мелочах. Накамура наверняка тоже. Хотя вот моя кошка часами втыкает в плитус — она не японка и за Буниным не замечена. Так что этот критерий сомнительный.

Аверченко и Саша Черный — значит, чувство юмора у него точно есть. Ирония и легкость, но с подтекстом. Зачет. Маяковский — ага, максимализм. Все или ничего, полутонов не признаем. А вот Есенин... Два толстенных сборника. Стоп. ДВА СБОРНИКА ЕСЕНИНА? Кто в здравом уме читает столько любовной лирики, если ее не задали на филфаке? Только тот, кто...

Накамура влюблен.

Или жаждет любви.

И эта любовь точно не про меня.

Зачем я вообще все это затеяла?

Душа потяжелела как дождевая туча. Все ясно. У Накамуры есть девушка. Ну, а чего я ожидала? Он молод, в России уже девять месяцев, конечно, у него кто-то есть. Я и не собиралась ни с кем соперничать. Я ведь только поиграть вышла. Хотела «прочитать» человека, который меня зацепил. Так откуда взялась печаль? Вот к чему приводит отсутствие четких целей, Соболевская. Надо точнее ставить себе задачи.

Разозлившись на себя и Накамуру, я взялась за проект Ольги. Заметки по «Фармселлу» шеф оставил у себя, пообещав вердикт завтра. Мой девиз — в любой непонятной ситуации работай — ни разу не подводил. Приуныла? Займись делом. Ревнуешь к девушке, которую сама придумала? Утопи мозг в цифрах. Пусть будет занят каждую минуту, чтобы не оставалось времени на ерунду.

И вообще, мои выводы могут быть однобоки и иррациональны. Может, Накамура просто любит русскую литературу. А в романтическом смысле — замороженный тунец.

Глава 14

Утро застало меня в метро. Я угрюмо читала ридер, нависая над спящим бледнолицым парнем. Хотелось достать маркер и нарисовать ему брови — ну, а что, надо же нести в мир красоту. Флешка сквозь рюкзак жгла мне спину, надо поскорее вернуть ее Трэшу и выбросить все это из головы. Идея оказалась глупой, наивной и недостойной меня: как при таком количестве книг выбрать одну цитату? Все равно что стрелять из пушки по воробьям. Накамура вряд ли вспомнит случайную фразу среди сотен прочитанных страниц.

Я не стала копаться в причинах своей мизантропии, просто затаилась как щенок, которому наступили на лапу, и сердилась на весь мир из внутренней конуры. Может, дело было в избытке Есенина в его формуляре. Может, в зарядившем дожде. А может, в том, что вчера мне так и не удалось найти причину падения интернет-продаж у Ольги. Крутила цифры и так, и эдак. Да, сезонный спад неизбежен, но если его исключить из расчетов, то по всем прогнозам должен быть рост! Либо я переоценила свою гениальность, либо что-то не так с самим сайтом. Но что? Надо спросить Трэша, сама не разберусь.

Ой, все, лучше не думать, иначе версии начнут множиться, как вирусы. Лучше читать любимую Сэй Сёнагон, от нее на сердце соловьи поют.

К концу лекций меня отпустило — у одного студента был день рождения, и он принес огромную коробку пирожных. А еще зачет поставили автоматом — Вселенная честно пыталась улучшить мой день. Я написала Ольге, что хочу обсудить с ней первые выводы, и она с энтузиазмом предложила выпить кофе где-нибудь поблизости. До встречи оставалось полчаса, у Наташки еще были пары. Куда деваться свободному человеку?

Я толкаю тяжелую дверь универа и... ту-думмм. Сердце делает кульбит и трепещет как пойманный золотой снитч. В десяти шагах от меня стоит Накамура, а рядом с ним — не просто рядом, а прижимаясь плечом! — давешняя балерина из аудитории. Сегодня она в лимонных джинсах-скинни, белых мартинсах и косухе. Да еще и вцепилась в рукав моего Накамуры мертвой хваткой. Вот же сука в ботах!

Перед ними, размахивая руками, декламирует стихи большой рыжий дядька — слегка хулиган и плейбой, а в остальное время — профессор филфака Владимир Алексеевич. Студенты его обожают и за глаза зовут дядей Вовой. Вряд ли кто-то еще с такой страстью изучает отечественных поэтов и писателей, включая колумнистов, блогеров и авторов стихшков-пирожков. Его трепетное отношение к слову передается воздушно-капельным путем; хочется бежать в книжный магазин, читать, писать и всюду насаждать любовь к литературе. Наташка несколько раз водила меня на литературные вечера, которые дядя Вова устраивает по четвергам у себя дома. Очень там атмосферно — горы подушек, зеленый чай льется рекой, на кухне от сигаретного дыма туман как у Шершеневича: «в стакан одеколону немного воды». А иногда кто-нибудь добирается до гитары.

Я вслушиваюсь.

— Внутренний я не стареет, не знает границ. Внутренний я не лежит и не падает ниц...¹

Стихи расходятся в воздухе концентрическими кругами. Глубокий баритон дяди Вовы доставляет почти физическое наслаждение, никакое баунти не сравнится. Думаю, это одна из причин, по которой, несмотря на полтинник возраста, он до сих пор вынужден отбиваться от влюбчивых студенток. Наконец, профессор замечает меня и машет рукой. И что? Пройти мимо и пусть балерина прилипает дальше?

¹ Д. Кроненберг. «Экзистенция».

Ноги у меня подкашиваются, дрожат и теряют сцепление с землей — словно я иду против течения по скользким камням горной речки. «Накидался да бреду, ай до дому не дойду», как поет TMNV.¹

— Здравствуйте, Владимир Алексеевич. Привет, — говорю Накамуре и его рыбе-прилипале. Девушка едва заметно приподнимает уголок губ. Накамура поворачивает голову — в глазах что-то вспыхивает, дядя Вова договаривает строфу в пустоту — и он поспешно кивает. Не отводит глаз. Меня накрывает ветром, теплым и холодным одновременно. Во взгляде Накамур читается смятение, но уже через мгновение он приветливо улыбается — кажется, и впрямь рад нашей встрече. Не выдумывай, Алиса. Обычное радушие. Не далее чем утром ты обещала себе выбросить все из головы.

— Алиса, какое счастье тебя видеть! Ты ведь читала Геру Шипова? — оживленно спрашивает дядя Вова. Мотаю головой. Он приобнимает меня и заканчивает стихотворение.

Я смотрю на черную толстовку Накамур. Черный квадрат Накамур. Надо сделать усилие и поднять взгляд. Ну вот, теперь мы пялимся друг на друга. Боюсь представить, каких размеров сейчас мои глаза — должно быть, я похожа на изумленную белку. Хотя, может, ему такое нравится: у них в аниме все с глазами во весь лоб...

— Алиса, вы совсем забыли старика! Где же ваша троица — не разлей вода? — Владимир Алексеевич изображает укоризну. — В этот четверг жду вас непременно. Будем воспевать цветение весны! — Он делает широкий жест в сторону яблонь, каким-то чудом затесавшихся в университетский дворик.

— В холодных небесах вишневым цветом притворился порхающий снежок... — вспоминаю я вслух.

— И на один короткий миг слегка повеяло весной, — подхватывает Накамура, и тут же слегка прикусывает нижнюю губу, будто хотел сказать что-то еще, но передумал. Он смущенно улыбается и едва уловимо подвигается ближе, словно его сносит порывом ветра. Потом чуть выравнивается, поправляет осанку, отвоевывая еще несколько сантиметров рядом со мной. Балерина бросает на меня раздраженный взгляд. Вот я балда — напрягала Трэша с формуляром, цитаты искала... «Записки у изголовья» он узнал бы даже в гоблинском переводе.

— О! Поэтический тандем сложился! — радуется Владимир Алексеевич. — Что-то в этом духе мы и устроим. Только, прошу прощения, — он с поклоном обращается к Накамуре, — исключительно на материале русской литературы. Ах, друзья, это за мной! Всего наилучшего!

У ворот материализовалась дама средних лет в синем одеянии — иначе и не скажешь про это хитрое переплетение драпировок. На голове красовалась шляпа с огромными полями, что ничуть не помешало музе подставить щеку под поцелуй великого и прекрасного дяди Вовы.

«Экзистенция, пауза!».¹ Маленькая площадь возле универа. Памятник, прописавшийся здесь навечно. В воздухе парят лепестки, студенты застывают в движении к воротам. Кислое лицо балерины, ветер срывает синюю шляпу, дядя Вова тянется ее поймать.

Накамура смотрит так, будто знает меня всю жизнь. Мы не сказали друг другу и десяти слов, но я чувствую: если обниму его сейчас, мы совпадем, как идеально подогнанные детали. Откуда взялась эта странная уверенность? Почему парень, с которым я едва знакома, вдруг стал ближе всех, кого я знаю годами? Словно все важное уже сказано, все маски сняты, и можно просто стоять рядом и молчать.

Но это же бред. Выдумка перегретого мозга. В реале все проще: мы стоим, смотрим друг на друга, молчим. Остальное — зыбучие пески надежды: один неверный шаг — и ты тонешь.

¹ Д. Кроненберг. «Экзистенция».

¹ Д. Кроненберг. «Экзистенция».

Люди сами решают, любят их или нет. И, судя по моим наблюдениям, это ужасно утомляет — с каждым новым человеком решать заново.

— Вы пойдете? — спрашивает балерина, дергая Накамуру за рукав. — Я обязательно. Сто лет не была. Эти встречи так обогащают...

— Пожалуй, — говорит Накамура, и пожимает плечами, сбрасывая наваждение. Картинка оживает: ветер терзает шляпу, студенты выходят из ворот, яблоневые лепестки путаются в наших волосах. Меня тянет придвинуться к нему, вдохнуть его запах, дотронуться до лица... Но вместо этого я говорю «до свидания» и иду к воротам.

Ольга уже дважды звонила..

Глава 15

— Никаких аномалий не обнаружено. — Я осторожно отхлебнула латте, но все равно обожглась и поморщилась. Мне нравилась эта кофейня и горячий бариста, но с огнем он явно перебарщивает.

Ольга напряженно смотрела на меня, ожидая продолжения. Снова вся в белом — спортсик с пайетками. Очевидно, гордилась своим загаром. Синеву глаз оттеняли сапфировые серьги. Кофе оставался нетронутым.

— Я не уверена, но, возможно, дело в технической части сайта. Например, где-то сидит баг, который дает сбой на стадии покупки. Причем не у всех, а только у части клиентов — какие-то продажи все-таки есть.

Ольга поджала губы и привычным жестом убрала за ухо прядь светлых волос.

— Сомнева-аюсь, — протянула она. — Сайт на аутсорсе в надежной фирме. В конце апреля, когда продажи просели, они все проверили и ничего не нашли.

— Бывают баги, которые трудно отследить, — вспомнила я слова Трэша. — Или... это может быть сделано намеренно.

Она нахмурилась.

— Хочешь сказать, мне вредят?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Можно нанять независимого специалиста и перепроверить. Особенно если есть что-то подозрительное.

— Подозрительное... Ладно... — Ольга растерянно улыбнулась. — Есть у меня кое-кто на примете. Попрошу сегодня же. — Она вспомнила про капуччино и, пригубив, облизнула верхнюю губу. — Спасибо. Не ожидала такого поворота, звучит жутковато, но правдоподобно. Тогда твоя работа пока на паузе. Если с сайтом все будет нормально, продолжишь искать дальше, идет?

— Да, конечно.

— Пока ждем результат, глянь, пожалуйста, исследования по новому продукту. — Ольга заметно оживилась, в голосе зазвенели нетерпеливые нотки. — Хочу выпустить еще одну анти-возрастную сыворотку. Это будет бомба! Она за несколько применений сглаживает глубокие морщины, заломы, рубцы — в общем, конкурирует с пластикой.

— Серьезно? Хотите, чтобы я просчитала риски?

— Да. Ну, и любые твои мысли по поводу развития тоже интересны. С Мишей я уже договорилась, за это тебе отдельно заплатят. По рукам?

— Почему нет. — Я пожала плечами. — А это ваша разработка или...

— Моя! — Ольга просияла и гордо приложила руку к груди. — Билась над формулой целый год. Наверное, по мне не скажешь, но я защищала кандидатскую по химии. Училась в том же универе, что и ты, так что мы из одной альма-матер!

Я улыбнулась. Странно было представить эту элегантную бизнесвумен студенткой в том же здании, где я таскаю свой рюкзак.

— И как вы из науки в бизнес ушли?

— О, это целая сага. — Ольга махнула баристе, тот спохватился и бегом притащил ей блюдечко с макаронами, рассыпавшись в извинениях о своей дырявой голове. — Короче говоря, после защиты меня пригласили в исследовательскую лабораторию одной косметической компании. И знаешь, что я там поняла? Всем плевать на реальные инновации. Все хотят быстрых денег, дешевых компонентов и раздутого вау-эффекта. А мне хотелось создать что-то стоящее. То, что реально замедляет старение, а не маскирует его. Ну, вот, я собрала команду и открыла свое производство. Пусть не гигантское, зато наша косметика точно работает.

— Получается, это для вас дело жизни?

— В общем, да. — Ольга откусила макарун. — А почему ты пошла на математику?

— Как сказал Франклин: «В этом мире неизбежны только смерть и налоги». Все остальное можно просчитать и предотвратить. Этим и занимаюсь.

— И как, получается?

— Ну, по крайней мере, истина Франклина подтверждается. Когда мама погибла в аварии, я много думала, можно ли было этого избежать. И не нашла ничего, что предвещало бы несчастный случай.

— Соболезную, — Ольга накрыла мою руку своей и легко пожалала.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Жизнь продолжается.

Ольга помолчала.

— Ну, а первая любовь? Знаешь, такая, как удар молнии. Разве ее можно просчитать?

— Здесь у меня недостаточно данных. Я ни в кого толком не влюблялась.

Вру и не краснею.

— Да, я слышала, что ваше поколение вообще любовь обесценивает. И отношения, и секс. Ничего святого, — Ольга разулыбалась, явно довольная, что сменила тему.

— А вы почему химик?

— О, у меня это бзик с детства. Моя мама до сих пор выглядит намного моложе своих лет — очень ухоженная женщина. Я выросла в мире баночек, масочек, кремиков. Поэтому уже с восьми лет тайком их смешивала, пытаюсь создать улучшенную версию. Однажды испортила дорогуший крем от Шанель, добавив туда витамины из аптеки. Мама не ругалась, но отвела меня на химический кружок — договорилась с преподавателем, чтобы меня, мелкую, туда взяли.

— Серьезно?

Ольга кивнула. Погружение в детство подсветило ее лицо теплым и мягким светом.

— Я ни разу не пожалела. Мне до сих пор дико интересно, и, наверное, в глубине души я надеюсь найти секрет вечной молодости. Ох! — Она взглянула на крохотные золотые часики. — Мне пора бежать. Так, по новому продукту мы договорились? Вот и ладненько. До связи, дорогая!

Она упорхнула, а я осталась допивать кофе. Все закрутилось слишком быстро. Новые задачи гудели в подсознании навязчивым фоном. Готова ли я обменивать свое время на деньги, жертвуя свободой и, чего уж там, безответственностью?

Так, Алиса, ты подумаешь об этом завтра. А пока — никаких новых клиентов! До самого дома избегать новых знакомств, чтобы, не дай бог, не взвалить на себе еще один заказ...

Я встала из-за стола, развернулась и... встретилась взглядом с Накамурой, который сидел буквально за моей спиной. Лимонная балерина рядом с ним лениво потягивала смузи. От неожиданности я снова ему поклонилась, залилась краской и, подхватив сумку, рванула к выходу.

Он что, следит за мной?

Дома мы с кошкой заварили чай, насыпали в вазочку маковых сушек и устроились в кресле с ноутбуком. Внутренним умиротворением и не пахло, поэтому я решила хотя бы погуглить про антивозрастные сыворотки. Зашла на страницу бренда Ольги на маркетплейсе, полезла в отзывы — и от удивления у меня изо рта вывалилась сушка. Пять покупателей писали, что сыворотки бесполезны, плохо впитываются, скатываются на коже, не стоят своих денег. И вишенка на торте — отзыв с фото: «Не ввали бы про натуральный состав, у меня лицо пятнами покрылось, химия одна!»

Вот же я дура! Зацикленная на цифрах маньячка!

Стыд залил меня горячей волной. Значит, все-таки в продукте дело? А я с умным видом настаивала на проверке сайта. Ох, а Ольга еще и деньги на специалиста потратит... Но если продукт настолько плох, откуда тогда хороший оборот в недавнем прошлом?

С колотящимся сердцем я открывала новые карточки товаров. В каждой — ужасные отзывы, после которых хотелось только одного: навсегда запомнить название бренда и обходить стороной. Как же мерзко, когда люди кусают исподтишка...

В этих текстах было что-то общее... Какая-то повторяющаяся деталь...

Я скопировала несколько отзывов и загнала в нейросеть. ИИ среагировал мгновенно: судя по стилю, 77% вероятность, что все написаны одним человеком. И все — сегодня. С разных аккаунтов, под разными именами — но это дело рук одного мерзавца, который хочет пустить Ольгин бизнес под откос.

«Под тихий стук вагонных колес, под вкрадчивый стук вагонных колес...»

У меня по спине пробежали мурашки. Что-то надвигалось. .

Глава 16

Утром в телеге поджидало сообщение: «Ты была права. Перезвони как сможешь». В ответ я отправила скрины с отзывами: «Вчера появились на маркетплейсе. Все написал один человек». Пока я принимала душ и чистила зубы, Ольга прислала ссылку на статью с желтого, но дико популярного сайта: «Вышло ночью. Я в шоке».

И было из-за чего. «Косметика в натуре: как нас разводят на красоте» — не жалея красок, автор писал, сколько расплодилось подделок и как недобросовестные производители наживаются на покупателях. А дальше «независимый источник» сообщил, что средства бренда Ольги Марковой содержат запрещенные компоненты, опасные для здоровья. Мол, сама владелица неоднократно получала предписания, но их игнорировала.

За завтраком меня грызли сомнения. По сути, я ничего не знаю об Ольге. Может ли она быть такой, как о ней пишут? Мы общались всего ничего, но, думаю, я бы почувствовала подвох. Если это конкурентная война, то слишком в лоб. Мне казалось, в наше время все должно быть тоньше — сейчас же не девяностые. Надо разобраться, кто эти хищники и как они действуют. Я забила вводные в нейросеть: «Намеренная порча сайта, плохие отзывы, заказная статья, порочащая репутацию». Через секунду ИИ ответил: «Это похоже на рейдерский захват».

О, черт. Мать его.

Я вскочила и начала нарезать круги по комнате. Что можно сделать, как помочь? Стоп, Алиса, это вообще не твое дело. Предупреди Ольгу — и все. Ты обычная студентка, а не эксперт по рейдерству, тебе еще проект Аверина вести и бла-бла-бла, а не в детектива играть.

Я набрала номер Ольги, но та не ответила. «Возможно, это рейдерский захват», написала я, с трудом попадая по кнопкам. Все, дальше пусть сама. Она большая девочка, а я самоустражняюсь.

Лекции я высидела как на иголках. В перерывах раз пять звонила Ольге, но она по-прежнему молчала, и внутри все холодело. Ближе к обеду ожила телега: «На нас подали иск. Счета заморожены, в офисе обыск. По проектам отбой. Первый оплачен, за деньги не волнуйся».

Меня что, засосало в дурацкий фильм с рейтингом «два помидора»? Но Ольга наверняка знает, что делать. Знает же? У нее есть юристы, влиятельные друзья, она справится. Или... нет?

Я позвонила Трэшу и коротко попросила о встрече. Именно он приучил меня, что конфиденциальные вопросы нельзя обсуждать по телефону, и, кажется, настал тот самый случай. Если он вычислит рейдера по своим каналам, возможно, еще не все потеряно. Есть же полиция, в конце концов, СМИ, интернет. Ха, кого я обманываю...

После универа меня ждали в «Амадее», куда я угрюмо пошлепала от метро по вездесущим лужам, не особо заботясь о том, что промочила кеды, и теперь в них противно хлюпало. Джинсы снизу тоже были мокрыми и охладили ноги при каждом движении, но мне было плевать — чем хуже, тем лучше. Меня невероятно злило, что люди оказываются бессильны перед такими вот акулами, которые запросто пожирают все, что ты создавал годами. Еще больше я злилась на себя — за то, что собираюсь влезть в это дело и втянуть своего лучшего друга. И за то, что колеблюсь.

Михаил Львович одобрил мою работу по «Фармселлу», внеся лишь пару мелких правок. Пока я размышляла, рассказать ли ему про ситуацию Ольги, он заговорил сам.

— Ты, наверное, уже в курсе, что Ольга приостановила твои задачи. У нее какие-то проблемы... Поскольку все на паузе, возьми, пожалуйста, один из проектов нашего давнего клиента. Герман Степанович Воронцов. Он сейчас здесь, общается со своим менеджером. Ему очень нужен нестандартный подход — как раз то, в чем у тебя талант.

Я обернулась. Невысокий сухощавый человек стоял возле дальнего стола — неестественно прямо, будто его пиджак был натянут на вешалку. Лицо, и особенно улыбка, казались

высеченными из камня. Почувствовав на себе взгляд, он резко повернулся и уставился на меня бесцветными колючими глазами. Сердце упало. Работать с социопатом, который без раздумий наступит на любого, кто окажется на пути? От него веяло таким льдом, что менеджер сделалась ниже ростом, пытаясь исчезнуть. Дементор, а не человек. Бр-р-р. Только если буду голодать.

— Возможно, ты уже что-то о нем слышала. Так вот: легенды о его криминальном прошлом сильно преувеличены. На деле он жесткий бизнесмен, не более того. Выглядит немного пугающе, но клиентов, как и родителей, не выбирают.

— Спасибо огромное за доверие. Я обязательно подумаю, — пробормотала я, вскакивая со стула и желая побыстрее слинять от потенциального «родителя». — А сейчас простите, надо бежать. Неотложное дело...

Мне нужно было подумать, как отказать помягче. Для новичка перебирать клиентов, как устрицы в ресторане: «Не, эти подозрительно пахнут, унесите» — непозволительная роскошь. Если я хочу здесь работать, придется пораскинуть мозгами.

Тойота Трэша уже виднелась на стоянке. Достигнув безопасного убежища, я шумно выдохнула. Макс вышел из машины, обнял меня и окинул беспокойным взглядом.

— Ты чего такая всклокоченная? Есть хочешь? Я бургеры с колой взял.

— Ага. Хочу...

Между едой, сидя рядом с ним в машине, я пересказала события последних дней. Трэш внимательно слушал, и с каждой минутой мрачнел все больше.

— Скажи, что ты в это лезть не будешь.

— Я... хотела попросить тебя найти рейдера.

— Нахрена. Рейдерство — это грязная война больших денег. Кто сильнее, тот и прав. Ты своей клиентке ничем не поможешь, бери новых. А может, рейдер твоей работой впечатлится и к себе позовет, будешь ему свои схемки рисовать. Все данные по компании у тебя уже есть, — хмыкнул Макс. — Ай!

— Она — моя клиентка, моя, понимаешь? Я не могу просто сидеть и смотреть, как какая-то мразь ее уничтожает.

— Ой, да ничего с ней не будет. Откроет новый бизнес...

— Как ты можешь быть таким бесчувственным? А если пострадает кто-то еще? Может быть, Ольга не единственная, на кого он нацелился.

— Да и пусть его ищут специально обученные люди!

— Ты переломишься, что ли, несколько клавиш нажать? Тебе же это раз плюнуть.

— Ха! Вот значит как ты представляешь то, чем я занимаюсь.

От возмущения Макс вытаращил глаза и секунд пять мы прожигали друг друга лазерными взглядами. Наконец, он выдохнул:

— Вот почему ты вечно во что-то вляпываешься, Соболевская?

— Помоги... — тихо попросила я. — Ну, пожалуйста. Обещаю, мы просто отдадим ей информацию и свалим.

— В шоке я от тебя. — Трэш помотал головой, потом глубоко вздохнул. — Только сама не наломай дров. Ничего не делай, поняла? Никому не рассказывай!

— Спасибо! — я не удержалась и повисла у него на шее. — Что бы я без тебя делала?

— О-о-о, я столько лет это слышу, могла бы уже давно за меня выйти и все делать со мной. — Он мягко погладил меня по спине, и я поняла, что с телесностью вышел перебор.

— Я замужем за наукой. Вот получу Нобелевку — и сразу к тебе.

— Да конечно. По японцу своему сохнешь, а я тут как дурак. Ла-адно, что с тебя взять, поехали, подвезу, так уж и быть. Информацию быстро не жди, может, сутки займёт или больше. Придется своих напрячь.

По японцу, значит, сохну. Спасибо, что напомнил.

— Ох, погоди! Завтра четверг! Ты идешь со мной и Наташкой к дяде Вове.

— Круто, сто лет не слышал этих ваших поэтических завываний. Как только жил без них все это время.

Тойота затормозила у моего подъезда.

— Ну, покеда, — сказал Трэш, чмокнул меня в щеку, и я вышла из машины. Помахала ему вслед, когда он выезжал из двора, и поплелась к учебникам. Работу и борьбу за справедливость придется отложить, иначе это будет первая сессия, которую я не сдам..

Глава 17

«Как ваши дела? Может, нужна какая-нибудь помощь?»

Я в который раз открывала чат с Ольгой, но видела в нем только свое последнее сообщение. Она не отвечала, что вполне логично — не будет же делиться проблемами с посторонним человеком. Тревога и любопытство грызли меня, как мышь — картонную коробку, и я закинула удочку Трэшу.

«Есть что-нибудь?»

«Работаем», — лаконично ответил он.

«Ну скажи-и-и».

«Пока ничего хорошего. На них натравили проверку, забрали часть товара на экспертизу и закрыли бутики. Типа какой-то яд обнаружен в составе».

Как и писали в той желтой статье.

«Вчера кто-то выкупил ее кредит в небольшом банке. Явно подставная контора».

Компания Ольги шла ко дну на моих глазах, а я ничего не могла поделать.

«И хватит уже тут писать!» — переписка с Трэшем мгновенно стерлась. Взамен он прислал взрывающееся эмодзи.

Кое-как отстрелявшись в универе, я доехала до ближайшего бутика Ольги, но наткнулась на табличку «Закрыто». Через витрину заглянула внутрь. Две девушки в униформе перебирали баночки с косметикой. На лицах читались усталость и безразличие. Я забарабанила в дверь, и одна из них нехотя подошла.

— Вы же видите, закрыто, — недовольно сказала она, приоткрыв дверь.

— Я знакомая владелицы, Ольги Марковой. Очень волнуюсь, она уже сутки не выходит на связь. Вы не знаете, с ней все в порядке?

— Не знаю, — девушка покачала головой. — Сказали, что с завтрашнего дня будет новый владелец. Подробности нам не сообщают. Вон, делаем инвентаризацию.

Черт возьми, она хотя бы жива? Видимо, последнее я произнесла вслух, потому что девушка добавила:

— Вроде как за границу уехала. Наверное, поэтому вы и не можете дозвониться.

Это какой-то розыгрыш? Где чертова скрытая камера? Несколько дней назад Ольга с воодушевлением рассказывала о своих планах, а сейчас спешно бежала за границу?

Не видя дороги, я забрела в ближайший сквер и осела на лавку. Могу ли я что-нибудь сделать? Возможно, да — если Трэш вычислит рейдера. Тогда у Ольги будет шанс вернуть себе компанию. А прямо сейчас? Ни хрена. Надо ждать результатов от Трэша.

Поход к дяде Вове был ужасно некстати, но Наташка только об этом и говорила — ей хотелось развеяться после очередного расставания со своим йогом. А мне не хотелось ей отказывать. Да и самой переключиться не помешает — может, свежие идеи придут. Выбирать одежду, конечно, влом, но балеринка точно разрядится в пух и прах. Выглядеть на ее фоне бледной молью не хочется, учитывая, что там будет некто Н.

Дома я залезла в платяной шкаф, где в обсессивно-компульсивном порядке развешаны и разложены килограммы моей одежды. Наташка сходит с ума от моего гардероба, но она больше меня на размер, иначе я бы сгрузила ей добрую половину. На самом деле мне просто повезло с двоюродной бабушкой. Под старость лет она вышла замуж в Амстердам и раз в полгода высылает огромную посылку с модным шмотьем. Это своего рода сублимация — раз им с моей бабулей в молодости пофорсить не удалось, я обязана отрываться за них обеих.

Я честно пялилась на вешалки минут пять, потом сдалась и закрыла шкаф. Надо все-таки сделать табличку сочетаемости вещей. Логика — это суперсила, когда у тебя ноль вкуса. Оттолкнемся от обратного: чего точно надевать не стоит? Штанов, потому что в них Накамура

меня уже видел. Секси-мини, потому что в этом я буду как девушка-слайдер: «раздвинь, чтобы разблокировать». Значит, выбираем платье или юбку до колен. У меня хорошие ноги, пропорциональные и не кривые. Руки тоже норм, но выглядят худыми, поэтому лучше что-то с рукавами.

Я снова открыла шкаф, быстро пролистала платья и нашла то, что нужно: цвета вечернего неба, с V-образным вырезом и летящей юбкой. И колени блеснут при случае, и шея будет лебединая. Правда, рукава короткие, но я возьму палантин... или нет, лучше маленький пиджак. Вечером будет прохладно.

Оставалась обувь, но тут без компромиссов. Шпильки на студенческой тусовке — это безумие. Нужно что-то небрежное и милое, будто я и не собиралась наряжаться, оно само вышло. Покопавшись в коробках, нашла черные лаковые лодочки. Сойдет.

Я критически оценила себя в зеркале, пытаюсь представить, какой меня увидит Накамура. Фигура умеренно спортивная, хотя со времен школьного волейбола ничем не занимаюсь. Длинные волосы. Аккуратный прямой нос, небольшой рот — «не стоматологический», как говорят врачи. Зато большие, как у мультяшки, глаза. Еще бы подбородок полегче и веснушек поменьше. Обычная девушка, каких полно, не уродка, но и не модель. И все же... Что заставляет его на меня так смотреть?

Глава 18

— Алиса, ну ты опять как монашка причесалась! — завопила Наташка, когда я нарисовалась в дверях ее квартиры. Она схватила меня и затащила в свою комнату. — Платье нормальное. Сейчас мы тебя начешем, волосики накрутим.

— Я тебя умоляю, только без начесов!

— Да? Ну ладно, а так хорошо было бы: тут поднять, тут кудри.

— Ната-аш! Вообще, оставь мой хвост в покое.

— Нет уж, я вся при параде, а ты как мышь пойдешь? Это негармонично. Держи плойку, я расческу найду. Или стой, бигуди лучше.

Счастье, что Наташка не предлагает перетянуть меня корсетом. Хотя, может, все еще впереди.

— Это Алиса? — донесся голос Кирилла Леонидовича, и через пару секунд он уже стоял на пороге комнаты. — Здравствуй-здравствуй. Выглядишь фантастически. Почему никогда так не ходишь?

— Чтобы наши математики с ума не сошли, конечно, — ответила я.

— Уж лучше пусть сойдут, нельзя такую красоту от мира прятать. Синий тебе очень идет, — продолжил он. — Девчонки, пойдете-ка ужинать, а то упадете в голодный обморок в вашем обществе бедных поэтов.

— Света! — крикнул он. — Поставь еще приборы, у нас гостя!

Игнорируя наше сопротивление, Наташкин папа проследил, чтобы мы вышли из комнаты, и сопроводил в кухню, которую я давно успела полюбить. За круглым деревянным столом, покрытым красной льняной скатертью, мы столько раз обсуждали сущую ерунду и проблемы мирового масштаба, что здесь я чувствовала себя в своей тарелке. И не стеснялась сидеть на стуле, поджав под себя ногу.

Домработница Светлана, невысокая кругленькая брюнетка лет тридцати, сияла улыбкой, словно кормить нас было мечтой всей ее жизни.

— Кушайте, кушайте, — приговаривала она, — все свеженькое, домашнее. Кирилл Леонидыч, еще котлетку?

Хозяин дома соглашался на котлетки, шутил, говорил нам всякие девчачьи приятности, и я снова ощутила укол зависти. Счастливая Наташка. Она-то может проводить с ним каждый день. А я могу лишь исподтишка греться в его отеческом тепле в такие редкие минуты. Сейчас мы сидели за столом, как одна любящая семья.

— Алиса, ты что-то грустная, — заметил Кирилл Леонидович. — Ничего не случилось? Или учеба замучила? Вот погоди, скоро лето, поедem в наш коттедж, буду вас с Наташей там выгуливать.

— Еще не хватало! — возмутилась Наташка. — Что там делать, это же не Кипр.

— Вообще-то случилось, — ответила я. — У моей клиентки бизнес отобрали. Кто бы мог подумать, что такое случается в наше время, — я рассеянно вертела в руках шоколадную конфету, все туже закручивая фантик. — Сейчас для меня пробивают инфу, так что скоро все выяснится. Надеюсь, дело не во мне, — попыталась пошутить я, увидев, как внезапно изменилось лицо Аверина. — На всякий случай будьте осторожны. Вдруг я — проклятье для своих клиентов.

Светлана собрала пустые тарелки, поставила кофейные чашки, а в центр стола — блюдо с домашним печеньем и эклерами. Кирилл Леонидович отхлебнул кофе и неожиданно резко сказал:

— Спасибо, что ты заботишься обо мне, я это очень ценю. Но позволь и мне о тебе позаботиться. Во-первых, немедленно прекрати играть с огнем. Рейдеры, если это действительно

они, быстро поймут, что ими интересуются, и последствия могут быть весьма печальными. Вторых, завтра я поговорю с «Амадеем» и тебе дадут тех клиентов, каких ты захочешь, чтобы не было времени играть в сыщика. В-третьих, мое предложение о постоянной работе до сих пор в силе — можешь выходить в любой момент. Заверяю тебя, ты не пожалеешь.

Вот только не хватало сейчас растрогаться от отцовской заботы. Я открыла глаза как можно шире, чтобы предательская слеза не скользнула по щеке. Почему он не мой отец? Большой, сильный, каменная стена. Я встала, чтобы отнести кофейную чашку в раковину и незаметно промокнуть глаза. Немного переведя дух, вернулась на место и ответила:

— На самом деле, осталось немного. Подставная компания уже известна, а найти заказчика — дело техники.

— И что потом будешь делать? — спросила Наташа, откусывая эклер. Судя по тому, как она меня разглядывала, ее не отпускали мысли о начесе.

— Пока не знаю. Смотря что нароем. Отправлю информацию Ольге. Если хватит доказательств, может, пойду в полицию.

— Знаешь что, Алиса, — сказал Кирилл Леонидович, — раз ты такая упертая, давай-ка поручим это моей службе безопасности. Так ты никого не подвергнешь опасности — ни себя, ни людей, которых ты уже в это втянула. Вышли мне все, что вы собрали к этому моменту, и вместе решим, что делать.

— Спасибо, но помощь не нужна, правда. У ботаников свои источники, вечером мне...

— Отмени все, Алиса, прямо сейчас! — Он ударил ладонью по столу так, что я невольно отпрыгнула вместе со стулом. — Это не шутки! Ты не знаешь, с кем связалась. У рейдеров все схвачено — от полиции до администрации. Думаешь, их остановит какая-то студентка? И твоих помощников тоже вычислят на раз!

Он был по-настоящему разгневан, и у меня внутри все похолодело.

— Спасибо, Кирилл Леонидович, — повторила я. Руки и ноги дрожали. — Но моих помощников не так просто вычислить. Обещаю, что ничего не сделаю без вашего совета. Наташ, ну что, может, все-таки кудри? — я старалась звучать как можно беззаботнее, но вышло плохо.

Если Наташин отец хотел меня напугать, ему это чертовски хорошо удалось. Может, и правда позвонить Трэшу и завязать? За миллиметр до правды?

Глава 19

— Когда вошла ты, здесь повеяло весной! — заорал Трэш, встречая нас в прихожей дяди Вовы. — Где вы ходите, у меня уже пальцы устали гуглить про цветочки. Они заставляют меня декламировать стихи!

Я механически пересчитала обувь, выискивая знакомые кеды. Больше двадцати пар — ничего себе. Трэш пропустил меня в гостиную и тихо спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.